



Ф. Лист

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
СИСТЕМА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ**

Фридрих Лист
Национальная система
политической экономики
Серия «Русский тариф», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54979187

Национальная система политической экономики / Ф. Лист ; пер. с нем.

В. М. Изергин. – 2-е изд., эл.: Социум; Москва; Челябинск; 2020

ISBN 978-5-91603-692-3

Аннотация

В классическом сочинении Фридриха Листа «Национальная система политической экономики» описываются условия, при которых протекционизм, по мысли автора, будет способствовать переходу страны на более высокую ступень экономического развития. В основе концепции Листа лежат пятичленная теория стадий экономического развития и теория производительных сил, разработанная в противовес теории классической политэкономии Адама Смита и его последователей, которую Лист называл теорией меновых ценностей.

Лист развивает теорию воспитательных пошлин, выдвинутую А. Гамильтоном, изображая таможенные пошлины как временное явление, как костыли, которые должны помочь промышленности стать на ноги, ибо страна, которая ограничивается одним

лишь сельским хозяйством, подобна человеку без одной руки. Промышленность дает государству бесконечное преобладание над чисто аграрной страной, отсутствие промышленности калечит самое сельское хозяйство.

При этом автор указывает, что далеко не всегда протекционизм приносит пользу и конечной целью для Листа все равно остается свободная торговля, но уже «выгодная» стране, достигшей совершенного развития производительных сил с помощью протекционизма.

В качестве приложений в настоящее издание включены три рецензии на 1-е издание 1891 г. и глава, посвященная разбору сочинения Ф. Листа, из магистерской диссертации Бальтазара Калиновского (1827—1884), защищенной в 1859 г. в Санкт-Петербургском университете.

Содержание

Вступление	6
Предисловие	32
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Фридрих Лист

Национальная система политической экономики

Серия:

«Русский тариф»

Серия основана в 2005 г.

Составление и научная редакция серии

к. и. н. М. М. Савченко

Выпуск 7

Электронное издание на основе печатного издания: Национальная система политической экономики / Ф. Лист; пер. с нем. В. М. Изергин. – Москва; Челябинск: Социум, 2017. – 451 с. – (Русский тариф; вып. 7). – ISBN 978-5-906401-72-4. – Текст: непосредственный.

© Оформление, ООО «ИД «Социум», 2017

Вступление

*Не надобно вести людей путем крайним.
Екатерина Великая*

Голод, самый сильный в мире стимул, дал в Англии, стране мануфактурно-коммерческой, победу принципам свободы торговли и привел к уничтожению протекционной системы. Чудовищный голод, ныне нами переживаемый, даст России, стране земледельческой, но вкусившей уже европейской культуры, при помощи которой весь ее экономический строй подвергся огромной перемене, – решительную победу принципам протекционной системы. Когда же, благодаря упрочнению восстанавливаемой нынешним министром финансов действительной протекционной системы, а не мнимой, которую рекомендовали наши фритредеры, Россия возвысится на степень самого могущественного земледельческо-мануфактурно-коммерческого государства, следовательно, независимого от внешних влияний, то она придет к тому же, к чему пришла Англия, т. е. к победе принципов свободы таможенных пошлин. Вот к какому заключению придет русский читатель, познакомившись с «Национальной системой политической экономии» Фр. Листа.

Россия является каким-то новым миром, который в конце XIX столетия, находясь в составе цивилизованных наций Ев-

ропы, будучи всесторонне ознакомлен с классической (космополитической) системой политической экономии и разными школами экономической науки, равно с многочисленными их фракциями, не исключая и демагогических, смело скажем: не имеет ни малейшего понятия и цельной национальной системы политической экономии, создателем которой был Фридрих Лист, профессор политических наук в Тюбингене и доктор прав Йенского университета, всемирно известный самостоятельный экономист и двигатель науки. Между тем не только ученые труды Фр. Листа, но и сам он, в качестве политического, ученого, дипломатического, практического общественного деятеля и депутата германского парламента, известен был при жизни своей в высших государственных, ученых и общественных сферах всей Германии, Австрии, Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, где он лично принимал участие в ученой экономической литературе. Сочинения его, после его кончины, выдержали на немецком языке несколько изданий и появились впоследствии в переводах на французский язык в Париже в двух изданиях, кроме того, в переводе на английский язык – в Филадельфии. К сожалению, «Национальная система политической экономии» Фр. Листа, имеющая всемирную известность, не только не была переведена до настоящего момента на русский язык, и, следовательно, неизвестна русскому образованному обществу, но даже весьма мало известна большей части наших ученых-экономистов.

Фр. Лист был пророком настоящего величия Германии, созданной князем Бисмарком по началам его учения. Все что делал князь Бисмарк для Германии, было замечательно точно указано Листом, а чего он не делал для Германии и что разрушительно отзывалось на России, а именно применение к последней отживших свой век, односторонних или ложных экономических доктрин, то германский канцлер обязательно старался, через посредство своих Gelehrler'ов,¹ внушить нашим влиятельным ученым экономистам, а чрез их посредство и нашим видным государственным и общественным деятелем. В данном случае князь Бисмарк стремился применить к России, в видах обессиления ее производительных сил, тот же самый экономический эксперимент, какой в первую половину текущего столетия Англия применяла в тех же эгоистических побуждениях сначала к Франции, а потом к Германии.

Против такой эксплуатации Германии со стороны дружественной державы и выступил в свое время Лист со всею энергиею гениального человека, оставив в наследие потомству великое творение, как результат борьбы целой его жизни с превратными экономическими учениями, которые считались последним словом науки и до него назывались «аксиомами, которые также безусловно верны и всеобщы, как положения астрономии», а все, несогласное со Смитом-Рикардовским экономическим направлением признавалось вздор-

¹ Ученых (нем.). — Прим. ред.

ную ересь. Судя по печатным отзывам, «Национальная система политической экономии» Фр. Листа была одной из настольных книг князя Бисмарка. Основательное знакомство с этим сочинением в полном виде и в перевод на русский язык составляет, без малейшего сомнения, в особенности в настоящее время коренных у нас экономических реформ и чудовищного голода, как прямого следствия господства в течение десятков лет экономических заблуждений, настоятельную необходимость для всякого образованного русского человека.

Учения Фр. Листа составили эпоху не только в научной, но и практической жизни Германии и Соединенных Штатов, и были путеводной звездой, приведшей финансы, сельское хозяйство, промышленность и торговлю в этих государствах в цветущее положение.

Лучшие ученые-экономисты всех экономических школ признают, что «Национальная система» доктора Фр. Листа есть произведение самое замечательное в нынешнем столетии по вопросу о международной торговле и может быть рассматриваема «как самое высшее научное выражение протекционной системы». Не мудрено, что после его смерти, в качестве творца политической и экономической эмансипации своей родины, он был зачислен в ряды тех великих умов, которые составляют гордость нации и отмечают в истории новую эру. Дело дошло до того, что его начали сравнивать с Лютером. С людьми, подобными Листу, обыкновенно оправ-

дывается поговорка: *divus dum ne sit vivus*².

«Национальная система» Листа является для теории Адама Смита – теории, которая десятки лет считалась «политической математикой», а в действительности была ни чем иным, как отрицанием таможенного покровительства, – решительным, всесторонним и окончательным опровержением. Последователи либеральной экономической школы повсюду явились с энергическими протестами против его учений, по их мнению, чуть не революционных.

На самом деле «Национальная система» Листа представляет собою лишь основы для примирения того и другого принципа, осуждая только абсолютное преобладание принципа *laissez faire, laissez passer*³. Лист вовсе не выступает, подобно протекционистам *quand meme*⁴, с антилиберальными и ретроградными доктринами. Его доводы отличаются настолько же мудростью государственной реформы, насколько и сопротивлением неосторожным и безрассудным нововведениям.

Прочитавши сочинение Фр. Листа с тем вниманием, которого оно заслуживает, всякий придет к убеждению, что имеет перед глазами свободу торговли, как великую цель. Разли-

² Пусть будет божественным, лишь бы не был живым (*лат.*). – *Прим. ред.*

³ Позволяйте делать, позволяйте двигаться (*фр.*). Максима, предписывающая невмешательство государства в экономику. Первая ее часть обозначает свободу предпринимательства, вторая – свободу торговли. – *Прим. ред.*

⁴ Вопреки всему (*фр.*). – *Прим. ред.*

чие между учениями классической политической экономии, которую Лист называет «школою Адама Смита», и учениями национальной экономии заключается в том, что идея первой – будущее, идея второй – настоящее. Философия – далекое будущее; политика – настоящее со всеми ее нуждами и потребностями. Таможенные ограничения, говорит Лист – средство, а свобода – цель. Лист не противопоставляет одну идею другой, не устанавливает между ними антагонизм, а указывает, каким образом идеи эти примиряются.

Известный государственный человек и германский мыслитель, творец науки о финансах, Лоренц Штейн говорит, применяясь к точке зрения Листа, что «протекционизм и свобода торговли составляют противоположности, которые, развиваясь диалектически, находят примеряющий синтез в охранительной таможенной пошлине для вполне обработанных произведений». Даже известный экономист Дж. С. Милль признает, что «покровительственные пошлины с целью пробуждения новой отрасли промышленности оправдываются как временный эксперимент».

И Лист не считает, что протекционизм полезен для народов во всех стадиях его развития, а также для всех без исключения стран. Он является необходимым только тогда, когда экономическое, интеллектуальное и политическое воспитание земледельческой страны, под влиянием свободы торговли, достигло фабрично-заводских изделий и недостаток рынков препятствует дальнейшему развитию ее до степени зем-

ледельческо-мануфактурно-коммерческого государства.

К «Национальной системе» Фр. Листа отнесутся с предвзятою неверной идеей, если захотят увидеть в ней монографию, широкую монографию по обширному вопросу о международной торговле. Заслуга Листа заключается не в одном только опровержении доктрин космополитической системы политической экономии о неограниченной свободе торговли. Он говорит и о других частях экономической науки, которые имеют связь с этим вопросом, и говорит и них с тою же силою жизненной правды и оригинальности, которыми дышит все его знаменитое сочинение.

Лист рельефно выставляет идею национальности, которую пренебрегли его предшественники. Они выбросили из своих учений, как негодную ветошь, национальности, с их интересами и особенными условиями, и не хотели согласовать их с идеалами всего человечества. Они не хотели знать и самого человечества, как оно ныне существует с нациями, неравномерно развитыми и недостаточно цивилизованными.

Лист находит тесную связь между явлениями экономическими и явлениями политическими, между которыми отвлеченная экономическая теория видела целую бездну. Как будто не дело правительства и его политики возбудить, увеличить, поддержать и обеспечить производительные силы нации в выгодах ее цивилизации, благосостояния, устойчивости и независимости!

Лист доказывает с историей всех стран и народов в руках, что земледелие находится в теснейшей связи с национальной фабрично-заводской промышленностью и что оно не может достигнуть значительного совершенства при слабом развитии этой последней. Классическая политическая экономия полна заблуждений, когда противопоставляет интересы земледельческие интересам мануфактурным, тогда как на самом деле преуспеяние земледелия возможно только при цветущей фабрично-заводской промышленности.

Лист утверждает, что действительное богатство нации заключается не в массе меновых ценностей, а вообще в степени развития производительных сил и в частности умственных и нравственных сил.

Он с необыкновенным успехом подвергает критике учения Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, поскольку они касались доктрины о разделении труда и теории ценностей. Ж. Б. Сэй, а за ним и либеральная экономическая школа доказывали, что религия, христианская нравственность и законы не могут создавать богатства, а на это Лист отвечает «конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства или обладания меновыми ценностями».

Политическая экономия, говорит Лист, основывается на философии, политике и истории.

Словом, сочинение Листа, при всех его некоторых недостатках, о которых он сам свидетельствует в своем введении,

является научным трудом наиболее оригинальным и драгоценным, которое когда-либо Германия давала в этом роде. Эта оригинальность в связи с шириною взгляда, глубиною знания, силою диалектики и воодушевления и блеском стиля дает особенную живучесть этому произведению великого ума.

Живучесть идей Листа обеспечивается тем, что в ней изложены жизненная правда, а старая истина – вечная истина.

Вследствие этого нет, конечно, у Листа недостатка в защитниках его учений и в последователях их и его единомышленниках в государственных, ученых и общественных сферах всего образованного мира. Гр. Канкрин, Тьер, Л. Штейн, кн. Бисмарк, И. А. Вышнеградский; американские ученые экономисты Кэри, Пестин, Смит и Роберт Томпсон, давший наибольшее развитие учениям Фр. Листа, и Колвелл (под редакцию которого сделан перевод сочинений Листа на английский язык); германские известные экономисты Рощер, Книс, Гильдебранд, Шеффле; русские профессора политической экономии А. Антонович, И. Тарасов, И. Кауфман, равно М. Н. Катков и С. Ю. Витте (первый познакомивший недавно русское общество, хотя и в небольшой брошюре, с жизнью и сочинениями Фр. Листа); французские экономисты Казо, Лестибудуа, Димесниль-Мариньи, Ришелло (под редакцию которого переведено сочинение Листа на французский язык) – все эти или великие умы или известные люди науки, вместе с Фр. Листом, не были солидарны с тремя

эфемерными и фальшивыми доктринами экономистов-классиков или выставляли на вид эту фальшь и эфемерность, а именно: космополитизм, индивидуализм и материализм.

Теория Фр. Листа, служащая путеводительницей германской политики и в короткое время поднявшая Германию в политическом и экономическом отношении на невероятную высоту, должна быть принята к руководству всеми нациями и их правительствами, а в том числе и Россией, если она не желает снова подпасть под английское, германское и иное какое-нибудь чужеземное экономическое влияние.

Впрочем, это могло быть весьма легко в прежнее время, когда наши экономисты дружно ударились в фальсификацию науки, в пропаганду всяческих экономических и социальных утопий чужеземной фабрикации. Ныне наши экономисты фритредеры или утописты поняты и оценены по достоинству.

Голос их замолк. Но, *le roi est mort, vive le roi!*⁵

Явились заместители их на поприще философии, пропагандирующие атеистический реализм германских философов, повергая, таким образом, жизнь массы русского общества в мертвящий формализм, из которого исчезает христианская идея. Пропаганда эта, отличаясь бездушным направлением, порождает умственное брожение и ведет быстрыми шагами русское общество к отупению, производя в то же время великое множество атеистов.

⁵ Король умер, да здравствует король! (*фр.*) – Прим. ред.

Между тем в философских убеждениях образованного мира, как известно, совершился также переворот, который должен иметь большое влияние на развитие экономической науки. Но, демократизация у нас при помощи газет односторонней философской мысли, порождающей смуту в умах и разврат в сердцах, философских мудрствований, идущих вразрез с действующей у нас в последние годы экономической политикой, для упрочнения которой принимаются самые энергичные меры, может иметь самое губительное влияние на финансы и народное хозяйство.

Как далекий ураган, сломивший на месте своего зарождения все преграды, отражается в самых далеких местностях неожиданной переменой воздуха, точно так же умственное движение и научное направление, переменив совершенно характер и склад мысли руководящих сфер в печати в сторону неверия, химер и утопий, волнами разливается в обществе, захватывая людей из высших и средних его классов, а также отчасти и из народных масс, которые совершенно ей непричастны.

Деятельная пропаганда ложных экономических и социальных учений и систем за последние тридцать лет имела последствием Высочайшее повеление от 5 января 1884 г., на основании которого с того времени несколько ограничено обращение в обществе органов этой пропаганды. Воспрещено допускать в обращение, хотя только в публичных библиотеках и общественных читальнях, 125 отдельных сочине-

ний и переводов и 850 выпусков ежемесячных журналов, а всего в количестве одной тысячи книжных изданий, составляющих в сложности около трех миллионов экземпляров. Excusez du peu!⁶

В числе этих изданий оказываются главным образом переводы иностранных авторов по вопросам экономическим, социальным и философским, а именно: Адама Смита («О богатстве народов» и «Теория нравственных чувств»), Прудона, Лассаля, К. Маркса, Спенсера, Дж. С. Милля, Луиса, Огюст-Конта, К. Фогта, Моллешота, Бюхнера, Луи Блана и т. д.; равно русских авторов: Бибикова, де Роберти, Михайлова, Шелгунова, Чернышевского, Суворина и др.

В настоящее время умами русского общества овладела наша больная, одряхлевшая и разочарованная ежедневная печать, книжки и фарисеи, лицемеры. Это – «слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». В самом деле, в прессе нашей мы встречаем ныне неустанную популяризацию учений атеистического реализма или китайского материализма с Шопенгауrom и его последователем гр. Л. Толстым во главе, перетолковывающих Христово учение по-своему и отвергающих идеалистическую мораль, построенную на идее долга. Они проводят китайский буддизм, ничего общего не имеющий с евангельским идеализмом. Поистине – это яд, с которым можно познакомить лишь немногих.

Такая демократизация односторонних философских докт-

⁶ Только-то! (фр.) – Прим. ред.

трин направлена к тому, чтобы уверить русское общество и высшие его сферы, что между верою и знанием союз разторгнут.

Странно, что никто не замечает здесь плутни, скрывающейся в разделении веры и знания, – плутни, в которой в конце концов провозглашается чувственность – единственным источником знания, мир вещественный – единственной реальностью, теория свободы торговли – единственным источником народного богатства, материализм, отвергающий Бога, – обладателем всякого ведения и знания! На самом деле вера является источником и органом всякого знания; а в философских вопросах противоположность может быть только между верою и неверием, но не может быть противоположности между верою и знанием, о котором не может быть и речи, так как всеобщую обязательную силу имеет положение: кто ни во что не верит, тот ничего не знает.

Между тем экономическое развитие общества всегда идет рядом с его умственным и нравственным движением и столько же от него зависит, сколько и от духовных способностей нации. Пропаганда у нас в прошедшее царствование односторонних и ложных экономических учений и превратных философских доктрин шла рядом с финансовым расстройством, разорением сельского хозяйства, с периодически повторяющимися голодовками, с промышленными торговыми и финансовыми кризисами, окончательно расстроившими денежную систему. Куда приведет нас пропаганда неверия и

буддийских мировоззрений – это дело будущего. Но никто не может принести огромный вред возрождающимся хорошим финансам и здоровой экономической политике.

Экономическая наука не обладает, и никогда не будет обладать секретом построить финансовую систему и экономическую политику на иных основаниях, как на началах христианской нравственности, точно так же как медицина никогда не откроет секрета обеспечивать человеку пользование хорошим здоровьем, невзирая на дурную жизненную обстановку.

В прошедшее царствование в нашей литературе получил господство пантеистический натурализм – нагой, без иллюзий, словом атеизм без фраз, а ныне преобладает пантеистический натурализм экзальтированный, старающийся обмануть самого себя. Последним натурализмом был заражен наш известный ученый-натуралист, попечитель учебного округа, покойный Пирогов, который в своих посмертных записках говорит, как из пантеиста сделался верующим христианином и пришел, между прочим, к следующему заключению: «Подлец в моих глазах перед Богом и перед собою тот, кто, отвергнув все идеалы веры и став в ряды атеизма, в беде изменяет на время свои убеждения, а всего хуже, если делает еще тайком, а убеждения, свои разглашает открыто. А таких господ немало. К ним принадлежал некогда и я сам, пока не познакомился с собой хорошенько. Да, трудно простить себе такую подлость, хотя бы временную и неволь-

ную!»

Родоначальником пессимистического пантеизма является немецкий мыслитель Шопенгауер; его доктрина построена на религии Конфуция, т. е. на началах резко реалистических и откровенно материалистических. Граф Лев Толстой, русский человек, обладающий высокой степенью европейского образования, заражен тем же пессимизмом, так как для пояснения своего философского мировоззрения называет Будду, Конфуция и Зороастра. Отождествляя свои мировоззрения с буддизмом, они становятся двигателями народных страстей и источником общественной опасности.

Шопенгауер свое основное начало называет не Богом, а «Волею». Из переписки Шопенгауера с его друзьями видно, что во Франкфурте, где он неутомимо сосредоточенно отдавался своим занятиям философией, в его кабинете, на столе перед ним находилась статуя Будды, и он обыкновенно в беседах с друзьями, указывая на нее, говорил: «Вот Бог!» Цинизм его доктрин будет совершенно понятен, если прибавить, что Шопенгауер мечтал о гаремах для ученых людей и о введении многоженства... Учения этого мечтателя, психическая ненормальность которого бросается в глаза, встречается систематическую апологию в наших наиболее распространенных органах печати. Не далее как в настоящий момент, когда мы пишем эти строки, горячие апологеты Шопенгауера, философы «Нового Времени», в тысячный раз повторяют, что «Шопенгауер – гений века», «истинный поработи-

тель нашей эпохи». «Наша эпоха всевозможных удручений как нельзя более благоприятна для Шопенгауера. Его любят, в него верят, с ним носятся. Это буквально то самое, что было в свое время с Боклем, Спенсером и др. Он – модный мыслитель». «Молодежь именно этим учением живет, считает его правдой жизни и ничего другого знать не хочет» («Новое Время», № 5605 от 6 октября 1891 г.).

Буддийское мировоззрение Шопенгауера дает горький и наглядный урок тем, которые вне христианства ищут основ для обновления умственной и экономической жизни человечества, а мертвый сон Китая и Индии наглядно показывает результат этих древневосточных мировоззрений.

Но доказан ли пессимистический пантеизм Шопенгауера? Учение гр. Л. Толстого есть ли истина?

Если все эти философские системы, пропагандируемые у нас ныне на просторе, ошибочны или злонамеренны, если руководящие идеи их авторов логичны, но не нравственны, если они стремятся подкопаться под слово Божие, а доказать это не трудно, то какую цену они могут иметь в глазах непредубежденного русского государственного человека или экономиста?

Вообще главный софизм приведенных выше модных у нас философских учений заключается в мнении, что всякому образованному человеку предстоит или отказаться от употребления собственного разума, если он хочет оставаться при вере, или отказаться от веры, если он хочет называться

мыслящим человеком. Иными словами: лозунг современных нам моралистов: «Гоните Христа и его учение!».

Поэтому не пора ли нашим здравомыслящим экономистам и моралистам приняться за улучшение у нас репутации экономической науки и тесно связанных с нею философских систем и снять с них *mauvais odeur*⁷ – этот мрак, безбожие и что-то искусственное и напускное, которое окружает эти отрасли знания, имеющие громадное влияние на умственное, моральное и экономическое развитие русской народности, цивилизации и государственного могущества.

Laissez faire и Адам Смит, Адам Смит и *laissez faire*, Будда-бог и Шопенгауер, Шопенгауер и Будда-бог, не пора ли уж им убраться из нашей компании? Нельзя ли допустить, что они уже достаточно исполнили свою миссию и что теперь могли бы удалиться?

В самом деле, человеческая душа есть бесконечно ценное в себе, перед чем бледнеет значение всех других вещей. Христос сказал: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?». А наши моралисты вредят именно душе русского человека. Все человеческие деяния, а в том числе и народное хозяйство, имеют цель, а христианская нравственность обнимает все цели жизни. Без проникновения ею государственных и общественных сфер невозможно обосновать экономический прогресс на промышленном возрождении, на котором построена вся

⁷ Дурной аромат (фр.). – Прим. ред.

национальная система Листа, которая дает научное освещение ныне действующей у нас экономической политики.

Но как назвать наших экономистов, которые погрестили замятовать существование национальной системы политической экономики Фр. Листа? Не очевидно ли, что они обладают высоким доверием только к односторонним учениям Адама Смита и к собственным отсюда проистекающим личным умозрениям? Не очевидно ли, что свои рецепты от экономических у нас зол, ими же созданных, они почерпнули из учений экономистов враждебных Листу? Они продолжают утверждать, что теория свободы торговли при всех обстоятельствах есть наивыгоднейшая, тогда как доверие к абсолютному значению этой теории в основании поколеблено еще Фр. Листом, вследствие того оказалось, что в экономической науке все относительно и только относительно абсолютно. Они не хотели слышать упреков, относившихся к их бездействию, праздномыслию и к тому, что изучать и преподавать экономическую науку было для них очень легко, если как они полагают, она заключается в отвлеченностях, а не основана на фактах, на истории, статистике, политике и философии.

О существовании кризиса в политической экономике возымел смелость во всеуслышание провозгласить у нас несколько лет тому назад московский профессор Янжул, в своем сочинении «Английская свободная торговля»: «Всякое лицо, говорит он, даже поверхностно знакомое с исто-

рией науки, знает, что политическая экономия в настоящее время переживает весьма серьезный кризис. Вера во многие, наиболее существенные положения и принципы той науки, как они были установлены в конце прошлого – начале нынешнего века ее первыми основателями, вера эта является в значительной степени подорванной или поколебленной: и в то же время новые принципы, новые законы, которые могли бы заменить собою старые, потерявшие общее доверие, еще не созданы и пребывают *in spe*⁸».

Судя по этому отзыву г. Янжула, можно полагать, что не только поколеблены самые существенные положения Смитовского направления, но не существует ныне политической экономии, как науки. Но ничего подобного нет. Это последнее направление действительно дискредитовано, но не теперь, а чуть не полстолетия тому назад Фр. Листом, который и противопоставил положениям и выводам А. Смита и Ж. Б. Сэя абстрактного характера, чуждым наблюдений действительности экономической жизни различных наций, – положения и выводы, основанные на истории народов, словом на фактах, и начертал национальную систему политической экономии. Эта система и получила в последнее время значение в государственной практике всех стран под влиянием разных перипетий в хозяйственной жизни различных народов.

Следовательно, поколеблено и подорвано смито-рикар-

⁸ В надежде (*лат.*). – *Прим. ред.*

довское направление, но отсюда еще далеко до отрицания научного значения политической экономии. Лист, критикуя космополитическую систему политической экономии Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, равно их предшественников и последователей, касается лишь национальных и международных отношений и оставляет в покое их значение по отношению к разработке подчиненных вопросов. Ясно, что идеи и дедукции известного автора, касающаяся отдельных частей науки, могут быть замечательными, и в то же время основание его системы может быть вполне ошибочно.

Г. Янжул не привел в подтверждение своих доводов, доказательств, иначе он убедился бы, что со словом наука невозможно связать определенно понятия, а причина этого заключается в непрерывности развития знания. Точно так же и гр. Л. Толстой, называя свой принцип не Богом, а «Разумом», отрицающим жизнь, не принял во внимание того, что если бы рассудку, само по себе была присуща истина, то истина наравне с рассудком должна была бы общим достоянием всех людей, – тогда не могло бы возникнуть никаких споров о том, что истинно и что ложно, что разумно и что неразумно. Однако же этому противоречит непрерывный опыт. Разум или *logos*, мудрость, слово, как называет его гр. Л. Толстой терминами давно известными, не может быть определяем, ибо он сам служит для определения всего остального.

Признание науки политической экономии за *Nichts*⁹ – это

⁹ Ничто (нем.). – Прим. ред.

ересь, а умственная автономия гр. Л. Толстого – это дело дьявола!

Вот к какому кульминационному пункту заблуждений может повести односторонность направления экономической и философской мысли, когда ударяются в крайности. «Не надобно вести людей путем крайним».

Дай Бог, чтобы замечательный труд Фр. Листа, который мы предлагаем здесь в переводе на русский язык, произвел отрезвляющее влияние на наших экономистов, моралистов и публицистов на тот конец, чтобы при помощи их Россия могла выйти из-под экономической зависимости чужеземцев, восстановить и увеличить свои умственные, нравственные и физические производительные силы упрочить свое могущество на незыблемых основаниях, как это сделали опередившие нас нации, благодаря применению к своей политике учений Фридриха Листа. Благодаря этим учениям, заговорили о кризисе в политической экономии в то именно время, как этот кризис, вследствие применения учений Фр. Листа к государственной практике всех великих наций, знаменовал собою решительный прогресс в экономической науке.

Хроническое расстройство русского сельского хозяйства, которое министерство государственных имуществ неверно вызывало кризисом, и ныне переживаемый во многих областях России страшный голод, или действительный земледельческий кризис, суть прямые и неизбежные последствия пропаганды в течение десятков лет и применения у нас к

жизни односторонних или ложных экономических доктрин, от которых, как от чумы, отшатнулись все цивилизованные государства, где даже в самые неурожайные годы не бывает ничего подобного тем ужасающим проявлением голодовок, которые периодически переживает Россия, и быть не может, вследствие достигнутой ими экономической независимости и положения одновременно земледельческо-мануфактурно-коммерческих наций.

Призвание к широкому развитию, рядом с земледелием, фабрично-заводской промышленности, находящейся у нас еще только в зародыше, имеют все страны, конечного, умеренного пояса, если только материальные, умственные, политические и социальные условия на их стороне. Верхом насмешки является у нас проповедь ныне в органах печати того, что Россия может достигнуть богатства, благосостояния, независимости и могущества, – оставаясь исключительно страной земледельческой. Пусть прочитают наши фритредеры и публицисты предлагаемое сочинение Фр. Листа, конечно от первой до последней главы, тогда они поймут свою сугубую, или, вернее сказать, трегубую скудость: экономических знаний, опыта и идей.

Не учреждение министерства земледелия спасает Россию от сельскохозяйственных периодических кризисов и голодовок, а полное единомыслие и солидарность в действиях всех органов государственного управления в направлении народного хозяйства по тому пути которого держится в течение

последних пяти лет наше министерство финансов, сопровождаемое горячим сочувствием и огромным доверием не только всей благомыслящей России, но и всего образованного мира. Отсюда понятно, почему число сторонников действующей у нас ныне национальной системы экономической политики быстро увеличивается, а число сторонников космополитической системы также быстро уменьшается.

В общественном сознании выяснится и сама цель, к которой стремится действующая ныне финансовая и экономическая политика, та разумная национальная идея, которая лежит в ее основании и которая всех нас должна привести к согласию и дружному действию умственных и нравственных сил, когда здравые учения Фр. Листа будут оценены по достоинству нашими экономистами и печатью и когда она облегчит задачу самого правительства. Нужно же когда-нибудь и русскую нацию освободить из-под искусственно созданного гнетущего влияния известных органов печати, навязывающих ему китайский материализм или смутный космополитизм, и дать ей возможность основать свое экономическое благосостояние и независимость на национальной почве, на природе вещей, на христианской нравственности, на уроках истории и действительных практических нуждах русского народа.

Из вышеизложенного явствует, что причины переживаемого нами ныне страшного голода и вообще периодически возникающих у нас кризисов, равно расстройств сельско-

го хозяйства, этой силы и богатства России, заключаются в дряблости русского образованного общества, допускающего у себя систематическую пропаганду односторонних, ложных или превратных экономических и философских учений, порождающих смуту в умах и жизни. Это большое зло!

Пусть русское общество, отложив всякий стыд, почувствует свою обязанность обессилить дерзких безбожников и злонамеренных болтунов. Пусть оно пристыдит глубоко испорченный дух нашей публицистики, представители которой наживаются от общих бедствий, разжигая страсти. Пусть просвещенные представители этого общества возвратят нашей литературе веру, юность и благородные мечты... пусть они заставят наших экономистов понять, что настоящий момент народных бедствий обязывает их стоять на страже национальных, а не космополитических интересов.

Помилосердуйте! Одна треть России с населением в 32,5 млн человек объята голодом. Ужасное положение бедствующего населения станет понятным, когда принято будет в соображение, что губернии, постигнутые голодом, исключительно заняты земледелием, а фабрично-заводская промышленность, как подспорье в моменты недоборов хлебов, там существует в самых ничтожных размерах. Чем же кормиться в таком случае массе населения в неурожайные года за отсутствием местной обрабатывающей промышленности, которая только недавно могла быть двинута правительством на путь возрождения, при помощи пересмотра общего

таможенного тарифа, – как не народными подаяниями? Отчего же только в таких земледельческих нациях, как Россия и Ост-Индия, проявляется подобное бедствие, а их не бывает ни в Соединенных Штатах Северной Америки, ни в других цивилизованных европейских земледельческих нациях, где действительно от неурожая бывают недоборы хлебов, но не голод?

Разрешение этого вопроса первой ныне государственной важности в России читатели найдут в «Национальной системе политической экономии» Фр. Листа.

К. В. Трубников

6 октября 1891 г.

Выпуская в свет «Национальную систему политической экономии» Фридриха Листа, смеем высказать надежду, что могущие встретиться в русском переводе этого сочинения неточности, или даже промахи и ошибки не будут поставлены нам в вину, так как мы наперед уверены, что не избегли этих ошибок, в особенности при трудности перевода, не имеющего вообще значения популярного сочинения, предназначенного для легкого чтения, а серьезного исследования, требующего внимательного изучения. Нам оставалось лишь иметь в виду одну цель – верную передачу подлинника по возможности ясным и более и менее точным языком науки, хотя эта цель составляет идеал каждого перевода подобного труда, которого даже экономисты по профессии, вслед-

ствие неустановившейся у нас в экономической науке однообразной терминологии, до сих пор не достигли.

Пользуемся случаем принести нашу живейшую благодарность г. В. М. Изергину, который облегчил наш труд первоначальным переводом настоящего сочинения Фр. Листа.

К. В. Трубников

Предисловие

Если предисловие книги, как говорят, должно заключать в себя ее начало или происхождение, то мне придется рассказать в нем почти половину моей жизни; потому что прошло более двадцати трех лет с тех пор, как у меня возникло первое сомнение в правдивости господствующей теории политической экономии, с тех пор как я посвятил себя исследованию ее заблуждений и их коренных причин. Достойно было бы сожаления в самом деле, если бы наконец оказалось, что я так долго гонялся за мечтой; так как вовсе не самоуверенность в своих силах и не излишне самолюбие побуждали меня наметить себе столь возвышенную цель и упорно ее преследовать. Это было мое призвание, которое и подало первый повод; сама судьба настойчиво и с непреодолимой силой влекла меня по раз избранному пути к разъяснению сомнения и к исследованию.

Мои современники в Германии помнят, что тяжелый удар был нанесен благосостоянию страны в 1818 г. Я должен был тогда готовить курс политической экономии. Я изучил не хуже других все, что тогда думали и писали об этом предмете, но я не хотел ограничиться тем, чтобы ознакомить юношество с современным состоянием науки; я стремился научить его тому, каким образом национально-экономический путь должен способствовать благосостоянию культуры и могуще-

ству Германии. Теория указывала на принцип свободы торговли. В самом деле, принцип этот представлялся мне разумным и испытанным, когда я обращался к рассмотрению результатов уничтожения провинциальных таможен во Франции и объединения трех государств Великобританских островов. Но изумительные результаты *континентальной системы* и гибельные последствия ее отмены были еще слишком свежи для того, чтобы возможно было дать себе в них ясный отчет, они являлись для меня разительным противоречием установившейся доктрине и, стремясь разъяснить себе это противоречие, я пришел к заключению, *что тогда только эта доктрина окажется истинной, когда в нации взаимно согласятся последовать принципу свободы торговли, как-то было сделано относительно указанных провинций.* Это привело меня к известному взгляду на природу национальности; мне казалось, что для теории существовали лишь человечество и индивидуумы, но не нации. Для меня было ясно, что для двух очень развитых наций свободная конкуренция только тогда может быть благодетельна, когда обе они стоят на одной и той же приблизительно ступени промышленного развития, и что нация, вследствие каких-либо неблагоприятных условий, далеко оставшаяся в промышленности, торговле и в деле мореходства, если только она обладает моральными и материальными средствами, потребными для собственного преуспевания, должна направлять все свои силы к тому, чтобы быть способной поддержать

свободную конкуренцию с определившими ее народностями. Одним словом, я находил различие между экономией космополитической и экономией политической, а это привело меня к мысли, что Германия должна отменить провинциальные таможи, и при помощи общей международной торговой системы должна стремиться достигнуть той же системы промышленного и коммерческого развития, какой другие нации достигли посредством их собственной торговой политики. Но вместо того, чтобы настойчивым исследованием последовательно разъяснить свою идею, мой практический ум стремился провести его в жизнь – во мне сказывалась еще молодость.

Необходимость перенестись в период 1819 г., чтобы разъяснить мои последующие стремления. Правители и подданные, дворянство и мещанство, администраторы и ученые – все в то время в Германии носились с проектами и предложениями новой политической системы. Германия походила на разоренное войной имение, прежние владельцы которого восстановили свои права и, вступив в качестве хозяев в управление своим имуществом, собрались снова заняться своим хозяйством. Одни домогались восстановления прежнего обычного порядка со всем его старым инвентарем и хламом, другие – разумных нововведений и совершенно новых орудий производства. Люди, привыкшие полагаться на здравый смысл и опыт, желали согласовать старые принципы с потребностями нового времени. Повсюду господствовало

противоречие и слышались споры между различными мнениями, всюду организовывались союзы и общества, ставившие своей задачей патриотические цели. Самое федеральное устройство было новой, поспешно созданной формой, и эта форма даже просвещенным и мыслящим дипломатическим деятелям представлялась лишь зародышем, развития которого в хорошо организованное тело желали сами виновники нового устройства, но предоставляли это развитие течению времени.

Один пункт (девятнадцатый) очевидно давал место установлению *национальной торговой системы*. Этот пункт представлялся для меня фундаментом, на котором должно было создаваться будущее промышленное и коммерческое значение моего отечества, и это убеждение дало мне идею об основании союза немецких коммерсантов и фабрикантов¹⁰,

¹⁰ В прежнем издании «*Энциклопедического Словаря*» («*Conversations-Lexion*») основателем такого союза назван И. М. Эльх из Кауфбейрена, мне же не только отведено лишь второстепенное место при его организации и в дальнейшей его разработке, но даже делается упрек в том, будто я отнесся с большой небрежностью к развитию этого дела. Когда я, возвратившись на родину, навел справки об авторе указанной статьи, мне назвали имя, которое разъяснило для меня все; оно принадлежало человеку, который был очень многим обязан г. И. М. Эльху и роль которого в этом деле приобретала тем большее значение, чем сильнее было бы уменьшено мое влияние. Не считая это особенным ударом своему самолюбию, я не находил тогда нужным возражать против сообщенных сведений. Но теперь я поставлен в необходимость разъяснить этот вопрос перед публикой. Известно, что недавно юридический факультет Йенского университета удостоил меня звания доктора, и Йенский корреспондент «Аугсбургской всеобщей газеты» («*Allgemeine Zeitung von Aagsburg*») по этому поводу заметил, что мной пер-

который поставил бы себе целью отмены провинциальных

вым была выражена идея об объединении государств Германского союза с целью устройства общегерманской таможенной системы. Теперь же в названной газете появляется следующего рода заметка: «Сообщение корреспондента из Йены от 1 декабря 1840 г. во “Всеобщей газете” № 344 о том, что г. Фридрих Лист первый подал мысль о свободной торговле внутренней и против заграничной требует поправки, так как честь первенства в этом случае принадлежит крупному коммерсанту И. М. Эльху из Кауфбейрена, который во время пасхальной ярмарки во Франкфурте в 1819 г. обратился с циркуляром к большинству негоциантов всех германских государств, предлагая подписать с этой целью петицию в высший совет членов союза. Случайно, спустя несколько дней, прибыл во Франкфурт из Тюбингена профессор Лист и, увлеченный этой идеей, принял на себя труд составления самой петиции, что и было им исполнено с замечательным искусством знатока дела и сделало известным его имя. Когда союз осуществился, профессор Лист был избран его представителем и в сопровождении теперь умершего уже г. Шнелля из Нюрнберга совершил путешествие, чтобы исходатайствовать при дворах германских государств одобрения высказанным в петиции союза желаниям». Для меня достаточно в нескольких словах изложить историю возникновения означенного союза, чтобы показать настоящую силу притязаний г. Эльха или его литературного защитника. Что весной 1819 г. я приехал во Франкфурт-на-Майне по делу совершенно частному – это справедливо, тем не менее также верно и то, что мысль о подобном союзе зародилась у меня уже давно, еще прежде нежели я вздумал предпринять это путешествие. Еще живы те лица, с которыми я говорил об этом как до поездки во Франкфурт, так и во время ее, и в числе писем покойного барона Котты можно указать письменные тому доказательства. Приехав во Франкфурт я сообщил свой план г. Шнеллю из Нюрнберга, которого я знал как коммерсанта образованного и патриота. Шнелль с жаром ухватился за него, указал мне на Бауерейса в Нюрнберге, Вебера в Гере, Арнольди в Готе, которые ему высказывали свои сетования на новые прусские таможенные тарифы, и высказал мысль, что дело это найдет среди негоциантов и фабрикантов, собравшихся на ярмарку во Франкфурте, полное сочувствие тем более, что г. Эльх из Кауфбейрена, ведущий торговлю полотном, высказывает готовность собрать ко дню собрания Германского совета подписи для петиции с ходатайством о принятии мер к ограничению стеснений внутренней торговли в

таможен и осуществление общей германской торговой систе-

Германии. По моему желанию Шнелль познакомил меня с г. Эльхом, который и сообщил мне свой план петиции или скорее материалы для нее, которые, если не ошибаюсь, еще и теперь сохранились в моих бумагах. Речь здесь шла о стеснениях, незадолго перед тем появившихся в Австрии относительно вывоза льна из верхней Швабии в Италию, – все это изложено просто, в конторском стиле. По взаимному нашему соглашению мы привлекли на наши совещания еще других фабрикантов, а именно гг. Лейслера и Блахиэра из Ганау, Гартманна из Гейденгейма, Геррозе из Аурау и т. д. Но об основании торгового союза и речи еще не было. Только когда петиция была уже редактирована и проект ее был восторженно принят, тогда только начал я излагать свои дальнейшие предложения. Никто не найдет возможным оспаривать, что все предложения, касающиеся оснований и организации союза, исходили исключительно от меня, и краткость времени, которым я ограничивался при обработке проектов, уже достаточно говорит за то, что я обдумал их прежде. Перечитав теперь снова вышеприведенную корреспонденцию в пользу г. Эльха, нельзя с удивлением не заметить, что противоречие между мной и г. Эльхом касается не самой сущности дела, а зависит лишь от совершенно противоположного способа нашего изложения. Так, защитник г. Эльха заявляет, что тот первый высказал мысль о свободе торговли внутренней и против заграничной, заявление, которого я не делаю и не могу сделать, так как эта идея задолго до того времени, когда мы собрались во Франкфурте, была уже выражена гг. Гурне, Кенэ и Адамом Смитом, и так как я никогда не защищал полной свободы в применении ее ко внешней торговле, а, напротив, был постоянным защитником разумной национальной торговой политики. Далее защитник г. Эльха утверждает, что последний обратился к собравшимся на ярмарку во Франкфурте коммерсантам с циркуляром, которым приглашал их присоединиться к составленной им для предъявления совету петиции о свободе торговли. Этого факта я не отрицаю. Но для всякого будет очевидно, что даже в том случае, если бы г. Эльх действительно представил в совет составленную им петицию, если действительно собрал для нее массу подписей, и если даже г. Эльх в самом деле составил петицию, обратившую на себя всеобщее внимание, все-таки эта петиция не могла привести ни к какому результату. Именно это самое я и хотел выяснить подписавшим мой проект петиции, когда после подписания говорил: «Итак, петиция готова. Несомненно она производит сильное впечатле-

мы. Как организовался этот союз и какое влияние оказал он на состоявшееся соглашение между просвещенными и великодушными правителями Баварии и Вюртемберга, а затем и на германский таможенный союз, – хорошо известно.

Мое положение в качестве защитника торгового союза было очень затруднительно. Все научно образованные государственные люди, редакторы газет и повременных изданий и все писатели по предмету политической экономии, воспитанные или взращенные, как то было, школой космополитической, высказывали какое-то доктринерское отвращение к системе таможенного покровительства. Присовокупив

ние, так как опирается на национальную точку зрения и составлена основательно, но она остается лежать в совете, как остались сотни других петиций. А чтобы она могла привести к какому-нибудь результату, всем нам немецким фабрикантам необходимо соединиться для преследования общей цели, склонить к нашей системе германское правительство и его органы, послать депутации ко дворам, к местным представительным собраниям и конгрессам, собирать и публиковать все, что будет высказываться в нашу пользу, обеспечить положение талантливых писателей, которые пожелали бы работать на нас, привлечь на себя внимание общественного мнения постоянным изданием брошюр и журналов, и здесь – во время ярмарки – собираться ежегодно для того, чтобы вновь и вновь подавать в совет петиции». Для всего этого г. Эльх не сделал ровно ничего. И однако, согласно вышеприведенной корреспонденции, я лишь случайно попал во Франкфурт; воодушевившись высокой идеей, высказанной г. Эльхом, счел за честь дать этой идее словесное выражение и после того ничего другого не сделал, и лишь принял участие в путешествии г. Шнелля ко дворам германских государств. То, что я для этого дела пожертвовал своим положением, своей карьерой, моим спокойствием, что я вложил значительный капитал на покрытие первых издержек, что до 1821 г. составление и редакция всех актов союза лежали на мне, и наконец, каким образом все это мной выполнилось, – все это пройдено полным молчанием.

те к этому еще интересы Англии и приверженцев английской промышленности в немецких приморских городах и на ярмарках. Известно, что английский кабинет, не привыкший скрывать, когда дело идет о коммерческих интересах Англии, обладает секретным фондом (*secret service money*) как средством для того, чтобы повсюду за границей держать в своих руках общественное мнение. Появилось бесчисленное количество корреспонденций и брошюр из Гамбурга и Бремена, из Лейпцига и Франкфурта, направленных против безрассудного стремления немецких фабрикантов к установлению общего покровительственного таможенного тарифа и против его защитника; по адресу последнего посылались упреки в самых резких и язвительных выражениях в незнании самых основ политической экономии, признанных всем ученым миром, или же в неспособности понимать их. Этим органам английских интересов было тем легче вести игру, что господствующая теория и убеждения немецких ученых были на их стороне. В среде самого союза сказывалось большое разногласие во взглядах. Одни желали лишь внутренней свободы торговли, которая без ввозного покровительственного тарифа при господствующих отношениях очевидно была бы гибельнее сохранения внутренних таможен – это были те, которых интерес сосредотачивался в ярмарочной и колониальной торговле. Другие, а именно немецкие фабриканты, напротив, настаивали на принципе реторсии [возмездия], как наиболее благоразумной, выгодной и справедли-

вой. Последних было меньшинство, которое частью или совсем было уже разорено конкуренцией со стороны Англии. Как бы то ни было, но защитнику их необходимо было следовать за последними, чтобы иметь возможность составить свою партию. Политическая, как и общественная деятельность, возможна только при условии взаимного соглашения разногласий, оказывающихся в среде лиц, преследующих одну и ту же цель. Ближайшей целью в данном случае представлялось уничтожение провинциальных таможен и установление национального таможенного тарифа. Раз будут разрушены внутренние заставы, никакая сила их снова не восстановит. Раз будет установлен национальный таможенный тариф, всегда будет время исправить ошибочно принятое для него основание, и в этом случае тем легче, что принцип реторсии в данное время в принципе соответствовал потребности протекционизма.

Борьба очевидно велась не равным оружием: с одной стороны – теория, разработанная во всех частях и опирающаяся на общепризнанный авторитет, прочно сложившаяся школа, могущественная партия, в лице ораторов имеющая своих защитников во всех законодательных учреждениях и совещаниях, и главным образом располагающая большой двигательной силой – деньгами¹¹; с другой стороны – бедность и

¹¹ Сентиментализм и романтизм также играли немаловажную роль в этом случае, как и везде, где естественные проявления подавлены искусственными. Для известного рода людей пара волов, проводящая борозду на ниве, доставляет более приятное зрелище, нежели паровой плуг, и при взгляде на культурное разви-

нужда, различие во мнениях, внутреннее разногласие и полное отсутствие теоретических основ. Эта борьба была хорошим проводником моих идей, но зато крайне невыгодно отражалась на моей репутации. Среди этой ежедневной борьбы, которую мне приходилось поддерживать, я усмотрел различие между *теорией ценностей* и теорией *производительных сил* и заметил, как школа¹³ злоупотребляет словом *капитал*. Я обратил внимание на то различие, которое существует между мануфактурной промышленностью и земледелием; я выяснил себе ложность того способа доказательства, когда требуют свободы торговли продуктами мануфактурного производства по причинам, которые могут иметь значение только в применении к продуктам сельского хозяйства. Я постарался дать более точное, чем было сделано школой, представление о *принципе разделения труда* и видел, насколько принцип этот *применим по отношению к целым нациям*. Но свою мысль я выяснил лишь очень несовершенно и своими добросовестными стараниями приобрел себе сла-

тие, чем более обращаются они вспять, тем благороднее кажется им их положение. С их точки зрения, они вполне правы. Насколько живописнее в самом деле кажется картинка пастушеской жизни в сравнении с ее прозаической картиной быта земледельца, и насколько романтичнее пастуха голоногий дикарь со своим плугом и стрелами! Всего пятнадцать лет тому назад, когда возник вопрос о присоединении Бадена к германскому таможенному союзу, один сентиментальный депутат в Баденской палате говорил о зеленеющих коврах, утренней росе и аромате и переливах красок.

¹³ Под названием «школы» Фр. Лист разумеет школу классической политической экономии в период ее организации. – Прим. К. В. Тр-ва.

ву настолько незначительную, что редакция «Энциклопедического Словаря» («Conversations-Lexicon»), во время моего отсутствия из Германии, позволила себе представить всю мою деятельность в качестве консультанта торгового союза в свете очень неблагоприятном, и даже утверждать, что я воспользовался чужими трудами ¹⁴.

Впоследствии я посетил Австрию, Северную Германию, Венгрию и Швейцарию, Францию и Англию и всюду старался знакомиться с современным состоянием этих стран и с литературой. Но когда затем обстоятельства забросили меня в Северную Америку, я отказался от знакомства с книжной литературой, которая могла бы меня ввести лишь в заблуждение. Лучшей книгой, из которой я мог знакомиться с политической экономией в этой новой стране, была сама жизнь. Пустыни превращаются здесь в богатые и могущественные штаты. Здесь в первый раз получилось у меня ясное представление о народной экономике в ее постепенном развитии. Процесс, который совершался в Европе в течение веков, разворачивается здесь перед нашими глазами – здесь можно проследить переход от дикого состояния к пастушескому и затем к земледельческому быту и из этого последнего к мануфактурной промышленности и торговле. Здесь можно наблюдать, как из ничего доходность постепенно достигает значительных размеров. Здесь простой землевладе-

¹⁴ Выше в примечании я уже указал на эту интригу и приглашал автора статьи заявить свое мнение открыто и под своим именем.

лец обладает лучшим практическим пониманием средств к поддержанию сельского хозяйства и его доходности, нежели остроумнейшие ученые старого света – *он старается привлечь в свое соседство заводчиков и фабрикантов.*

Здесь резко сказывается разница между странами земледельческими и мануфактурными и выражается особенно сильными явлениями. Нигде не умеют лучше ценить значение путей сообщения и их влияние на умственную и материальную жизнь народов. Жадно и старательно читал я эту книгу, стараясь извлеченные из нее уроки согласить с результатами моих прежних изысканий, опыта и размышлений. Отсюда извлечена мной система, которая если и может иногда представляться еще несовершенной, то во всяком случае, надеюсь, не опирается на пустой космополитизм, а зиждется на самой сущности явлений, на уроках истории и народных потребностях. Эта система дает возможность согласовать теорию с практикой и делает доступным для всякого образованного человека предмет политической экономии, которая до сих пор, вследствие ее схоластической замкнутости, массы противоречий и неточности терминологии, представлялась непредубежденному уму каким-то заблуждением – вопрос, который я задавал себе еще до основания торгового союза и в возможности разрешения которого я нередко отчаивался.

Судьбе угодно было, чтобы я в Северной Америке нашел неожиданную поддержку своим идеям. Вследствие моих сношений с выдающимися людьми Соединенных Штатов, в

особенности же с президентом Пенсильванского общества поощрения мануфактуры и искусств, г. Ингерзоллем, здесь была известна уже моя прежняя деятельность в области политической экономии.

Итак, когда в 1827 г. последователи принципа свободы торговли начали притеснять американских фабрикантов и защитников национальной промышленности из-за тарифного вопроса, г. Ингерзолль пригласил меня высказаться по этому вопросу. Я исполнил это и не без успеха, как показывает приведенный здесь документ¹⁵. Двенадцать писем, в которых я изложил мою систему, были не только напечатаны в Национальной Филадельфийской газете, но и были перепечатаны более чем в пятидесяти провинциальных газетах, а затем на счет Общества поощрения мануфактур были из-

¹⁵ Извлечение из протоколов Общества поощрения мануфактур и искусств в Филадельфии: «Постановлено:а) опубликовать во всеобщее сведение, что проф. Фридрих Лист установил основанное на самой сущности явлений различие между политической экономией и космополитической, между теорией производительных сил и теорией ценностей, и опираясь на извлеченные таким путем доказательства, положил основание новой натуральной системы политической экономии и тем оказал важную услугу Соединенным Штатам;б) предложить профессору Листу издать два сочинения: одно научное, в котором основательно была бы изложена его теория, и другое популярное для распространения его системы в школах;в) подписаться на счет Общества на 50 экземпляров этого сочинения, предложить законодателям Штатов, интересующихся американской (промышленной) системой к распространению этого сочинения;г) для публичного засвидетельствования заслуги, оказанной проф. Листом, устроить на счет Общества в отделе “Хэд” (Head) обед, пригласив на него наших важнейших сограждан. Президент Ингенрсолл (Ingenrsoll). Секретарь Фишер (Fisher)».

даны отдельной брошюрой под заглавием «*Outlines of a new system of political economy*» [«Набросок новой системы политической экономии»] и разошлись во многих тысячах экземпляров. Мною получены были также письма с выражением признательности от выдающихся лиц страны, каковы, например, престарелый глубоко уважаемый Джеймс Мадисон, г. Генри Эле (Elay), Эдвард Ливингстон и т. д.

В то время как я, по желанию Общества поощрения мануфактур и искусств в Филадельфии, с увлечением работал над составлением обширного сочинения по политической экономии, и после того как введение к этому труду было уже напечатано, мне было предложено участие в одном предприятии, и это обстоятельство на долгое время принудило меня покинуть литературную работу. Политика и литературный труд – занятия невыгодные в Соединенных Штатах; желающий посвятить себя литературной деятельности и не имеющий собственного состояния принужден там заботиться об обеспечении своего состояния и своей будущности посредством участия в разных предприятиях. Я также считал за лучшее подчиниться обычному порядку. Поводом к этому послужило приобретенное мной знакомство с железнодорожным делом, которое я предварительно изучил в Англии, счастливое открытие новых залежей каменного угля и не менее удачная покупка в том месте значительного участка земли.

Новое дело, характера чисто материального, не имевшее

отношения к моим прежним литературным занятиям, расширило мою деятельность и мой кругозор в области политической экономии. До сих пор я понимал значение путей сообщения только с точки зрения *теории ценностей*; до сих пор я наблюдал действие путей сообщения только в отдельности и применительно к тому, какое влияние оказывают они на расширение рынка и на уменьшение ценности материальных богатств. Теперь же я начал наблюдать их с точки зрения теории производительных сил и их *действие в совокупности, как национальной системы путей сообщения*, оценивая, следовательно, их по тому влиянию, какое они оказывают на всю умственную и политическую жизнь, на социальные отношения, на производительную силу и могущество наций. В первый раз только понял я теперь то, в каком соотношении находятся *мануфактурная промышленность* и *национальная система путей сообщения*, а также и то, что одно без другого никогда не может достигнуть полного развития. Поэтому я был в состоянии – осмеливаюсь это утверждать – взглянуть на предмет шире, чем какой-либо другой из предшествовавших мне экономистов, и в особенности с очевидностью показать необходимость и пользу *национальной железнодорожной системы* прежде, чем кому-либо из экономистов Англии, Франции или Северной Америки пришло в голову взглянуть на этот предмет с указанной возвышенной точки зрения. Утверждая это, я должен был бы упрекнуть самого себя в излишней хвастливости, если бы не

чувствовал себя вынужденным к тому массой клевет и нареканий, обрушившихся на меня за пропаганду германской железнодорожной системы. Пред публикой меня выставили человеком, который, предлагая и защищая новость, стремится лишь возвыситься, приобрести значение, влияние и средства.

Так одна очень уважаемая северо-германская газета, после довольно поверхностного обзора моей статьи в «Staatslexicon» под заглавием: «Каналы и железные дороги», назвала меня энтузиастом, для пылкой фантазии которого все представляется в увеличенном размере, и который видит массу таких вещей, которые совершенно незаметны для людей, одаренных обыкновенным зрением. Года четыре или пять тому назад в газетах Нюрнберга и Франкфурта были напечатаны статьи, помеченные из Лейпцига, содержания еще более оскорбительного¹⁶; невежество и бесстыдство дошло до такой степени, что меня не стеснялись объявить перед немецкой публикой в политической экономии

¹⁶ Не могу пройти здесь молчанием того обстоятельства, что те, чьи предрасудки и личные интересы я, как защитник торгового союза, должен был затронуть в 1821 г., еще в 1833 г., когда я приехал в Лейпциг, помнили меня настолько хорошо, что я снова подвергся тем же оскорблениям, какие мне пришлось вынести при прежней борьбе с большей частью влиятельных лиц этого города и были причиной тех несогласий, которые возникли между мной и представителями местного купечества. Особенно памятно будет это, если припомнить, что большой германский торговый союз организовался как раз в то время, как я был в Лейпциге, и следовательно, при моем первом появлении было еще сомнительно, хорошее или дурное влияние окажет этот союз на местную ярмарку.

шарлатаном и прожектером. Статья под словом «Железные дороги» в «Энциклопедическом словаре новейшего времени и литературы» («Conversations-Lexicon der neuesten Zeit und Literatur») делает мне упрек в том, будто бы по моей главным образом вине произошла та злосчастная биржевая игра, которая, после удавшейся вполне лейпцигской подписки, так сильно дискредитировала это предприятие, между тем как, наоборот, именно своим решительным протестом против биржевой игры я навлек на себя неудовольствие биржевых маклеров. В упомянутой выше моей статье все это достаточно разъяснено и потому здесь я не считаю нужным защищаться от этой гнусной клеветы и унижения. Замечу только одно, что в борьбе против меня прибегли к самому непозволительному способу потому, что я встал поперек дороги некоторым лицам и личным интересам, что, как бы в придачу к этому, из боязни разоблачения с моей стороны направленной против меня интриги, сочли за лучшее обесславить меня, чтобы распространить в немецком обществе предубеждение к моей личности. Мои противники, в большинстве скорее введенные в заблуждение, чем сознательно лгавшие, не были знакомы ни с моим образом мыслей, ни с моим положением, ни с теми средствами, которыми я располагал. Не имея ни малейшего желания докучать немецкому обществу этой злосчастной борьбой совершенно частого характера, я в самом начале интриги принял твердое решение молча переносить всякую публичную и частную клевету,

во-первых, чтобы не повредить тому доброму делу, которому я посвятил уже столько лет моей жизни, и для которого пожертвовал значительной суммой своего трудами нажитого состояния; во-вторых, чтобы обеспечить для себя то спокойствие духа, которое необходимо для преследования поставленной мной себе цели; наконец я твердо верил и верю в то, что в конце концов все-таки воздадут мне справедливость по крайней мере в этом отношении. При таких обстоятельствах мне нечего бояться обвинения в самохвальности, когда я в подтверждение моих слов, могу сослаться на экономические аргументы и положения, напечатанные в Лейпцигских отчетах, за исключением имеющих чисто местный характер, так как они принадлежат исключительно мне; когда я утверждаю, что только я – я один – с самого начала дал деятельности лейпцигского железнодорожного комитета то национальное направление, которое нашло такой сочувственный отклик во всей Германии и которое дало такие хорошие результаты, что я в течение восьми последних лет дни и ночи проводил за работой, стараясь предложениями, письмами и сочинениями двинуть вперед железнодорожный вопрос во всех частях Германии. Я с полной уверенностью утверждаю все это, так как уверен, что ни один добросовестный человек в Саксонии не будет в состоянии и не пожелает в этом отношении возразить мне открыто и за своей подписью.

В разоблаченной здесь интриге и лежит причина того, что немецкие экономисты до сих пор так мало отдавали справед-

ливости моим работам по железнодорожному вопросу, что в своих сочинениях вместо того, чтобы указать, что нового и оригинального было в моих сочинениях, они или обходили меня полным молчанием или же цитировали в общих чертах¹⁷.

Мои усилия создать железнодорожную сеть в Германии – цель, которая одна только могла принудить меня отказаться на много лет от блестящего положения в Северной Америке и возвратиться в Германию, – эти усилия и моя прежняя практическая деятельность в Северной Африке лишили меня возможности продолжать мои литературные занятия, и, может быть, эта книга никогда не появилась бы на свет, если бы, вследствие указанной выше интриги, я не лишился занятий и не видел бы себя вынужденным оградить свое имя.

Необходимость позаботиться о восстановлении своего здоровья, расстроенного усиленной работой и всевозможными неприятностями, побудила меня к поездке в исходе 1837 г. в Париж. Здесь я случайно узнал, что обсуждавшийся уже прежде вопрос о свободе торговли и об ограничениях в торговле снова поднят академией политических наук в Париже в виде темы на премию. Это обстоятельство побудило меня решиться на письменное изложение сущности моей системы. Но, не имея под руками моих прежних работ, я

¹⁷ Я должен указать, однако, на статского советника Небениуса, который составляет в этом случае исключение. Скромность, однако, не позволяет мне передать печатно то, что он говорил мне на словах по этому поводу.

должен был писать обо всем на память, и так как кроме того я должен был окончить мою работу в слишком краткий срок – всего в две недели, то конечно труд мой должен был выйти *очень несовершенным*. Несмотря, однако, на это обстоятельство, комиссия академии поставила мою работу в числе первых трех из двадцати семи, которые ей были представлены¹⁸.

Такой результат должен был меня удовлетворить, особенно ввиду краткости времени, употребленного на работу и того обстоятельства, что премия вообще не была присуждена, главным же образом потому, что члены комиссии все без исключения по своим убеждениям принадлежали к школе космополитической. И в самом деле с вопросом о теории политической экономии в ее отношении к *международной торговле и торговой политике* во Франции дело обстоит пожалуй хуже еще, нежели в Германии.

Г. Росси, человек, оказавший значительные услуги наукам политическим вообще и разработавший в частности некоторые отделы политической экономии, но получивший образование в маленьких городах Италии и Швейцарии, где нет возможности ознакомиться и оценить значение промышленности с национальной точки зрения и в соответственных этому размерах, где поневоле приходится сосредоточить все надежды на осуществление идеи всеобщей свободы торговли,

¹⁸ Сочинения моему предпослан девиз, в котором выражается характер моей системы «Et la patrie et l'humanite» [«Отечество и человечество» (*фр.*)]. – *Прим. ред.*

как те, которые, не находя более утешения на этом свете, обращают все свои надежды к жизни будущей, – этот г. Росси нисколько еще не сомневается в истинности космополитического принципа, ему даже не приходит на мысль, что история в этом отношении может дать совсем другое освещение, нежели то, которое было дано Адамом Смитом. Бланки, известный в Германии своей «Историей политической экономии», ограничил с тех пор свои претензии лишь тем, что разбавил водой сочинение Ж. Б. Сэя, который, в свою очередь, сделал тоже самое с Адамом Смитом. Тот, кто взглянул уже свободным от партийных мнений, испытывающим взглядом на историю торговли и промышленности народов, найдет в их книгах целые потоки чистой воды. Конечно, не эти два писателя оказали влияние на благоприятную оценку моего сочинения, я приписываю ее влиянию барона Дюпена, который вообще предубежденный против всяких теорий, но человек глубокого образования и опытности, никогда не стремился к выработке системы; тем не менее ему именно обязана Франция фактическими и статистическими данными о своих национальных производительных силах, а потому он необходимо должен бы был прийти к теории производительных сил, если бы только был в состоянии победить свое отвращение к теории, которое он так откровенно высказывает в предисловии к своему только что указанному труду. Там же, имея ввиду г. Сэя, он язвительно замечает, что у него нет никакого праздного стремления к созиданию

систем и к оценке отношений всех народов на основании *одного*. Однако для меня непонятно, каким образом возможно быть последовательным на практике, не имея рациональной системы. Конечно можно заметить, что английские государственные люди в течение столетий без всяких теорий были довольно хорошими практическими деятелями; однако на это можно возразить, что в Англии обычай *продавать предметы мануфактурного производства и покупать сырье* в течение целого ряда веков заменял всякую теорию. Хотя и это справедливо только отчасти, потому что указанный обычай, как известно, не предохранил Англию от крупной ошибки запрещать в различное время ввоз хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов. Как бы там ни было, но от проницательного взора Дюпена, как я могу заключить и из некоторых сказанных им мне слов, не могло ускользнуть близкое родство его статистических данных с моей теорией – отсюда и его благоприятный приговор о моем сочинении. Кроме названных писателей в комиссии были еще и другие лица, которые также писали о политической экономии; но если пересмотреть их сочинения с тем, чтобы извлечь из них какую-либо оригинальную мысль, то в них не окажется ничего кроме *political economy made easy*¹⁹, как говорят англичане, – вещи, достойные дам, занимающихся политикой парижских щеголей и других дилетантов, – все это парифразы прежних перифразов сочинений Адама Смита. Ни одной

¹⁹ Популярное изложение политической экономии. – Прим. ред.

собственной мысли – просто жалость берет!

Эта работа на французском языке не была, однако, для меня бесполезна, как и прежние работы на английском языке. Она не только еще больше укрепила мое убеждение в том, что дельная система необходимо должна опираться на достоверные исторические факты, но я пришел к заключению, что мои исторические изыскания еще далеко недостаточны. Так, когда я, расширив историческое изучение, перечитал затем мои сочинения на английском языке и в частности пять уже отпечатанных листов исторического предисловия, они показались мне плохими. Быть может благосклонному читателю такими же покажутся и те, которые я выпускаю на немецком языке. Откровенно и без всякой аффектации признаюсь, – и в этом, может быть, некоторые мне охотно поверят, – что они мне показались снова такими же. Так, когда я, по окончании своего труда, снова перечитал первые главы, я был готов осудить их так же, как и прежние слова английские и французские сочинения. Однако я решил иначе. Кто работает, тот идет вперед, а обработка должна же когда-нибудь закончиться. Итак, я решаюсь явиться пред обществом, со скромным убеждением, что быть может многое в моей работе будет достойно порицания, так как теперь, оканчивая свое введение, я сам вижу, что многое можно было бы обработать основательнее и выразить яснее, но меня поддерживает лишь мысль, что быть может все-таки в моей книге найдется что-либо новое и верное, и хотя одно какое-либо положение

ние окажется действительно полезным для моего немецкого отечества. Этим же стремлением быть полезным своей родине объясняется и то, что я часто может быть слишком смело и слишком решительно произносил строгий приговор над мнениями и сочинениями некоторых авторов и даже целых школ. На самом деле это зависит не от самонадеятельности, а из опасения, чтобы достойные порицания взгляды не сделались общим достоянием, и из убеждения, что противоположное им и искреннее мнение должно выражаться самым энергичным образом. Без сомнения, ошибаются те, которые думают, что люди, оказавшие значительные услуги науке, имеют право на уважение даже в том случае, когда они заблуждаются. Напротив, писатели, получившие известность и пользующиеся авторитетом, своими ошибками причиняют гораздо больше вреда, чем писатели незначительные, а потому и требуют более решительного опровержения. Что критика более мягка, более умеренная и скромная, с различными оговорками и комплиментами направо и налево, была бы гораздо выгоднее лично для меня, мне очень хорошо известно; я знаю также и то, что кто судит, сам подвергнется осуждению. Но что за беда? Сам я воспользуюсь строгими приговорами моих противников для исправления своих ошибок, если, на что я едва осмеливаюсь питать надежду, эта книга потребует второго издания. Таким образом я принесу двойную пользу, – если и не себе самому. Для судей справедливых и снисходительных, если они пожелают принять в рас-

чет мое извинение, замечу, что на составление этой книги я употребил гораздо менее времени, нежели на изыскания и размышления; что отдельные главы были обработаны в разное время и часто поспешно, и что я далеко не считаю себя от природы одаренным выдающимися способностями. Эти замечания были необходимы для того, чтобы предупредить излишние ожидания от тяжких родов после столь продолжительной беременности, чтобы было ясно, почему я иногда то там, то здесь говорю о времени на половину или даже совершенно прошедшем, как о настоящем, и чтобы не слишком упрекали меня за частые повторения и иногда даже противоречия. Что касается повторений, то всякому, хотя сколько-нибудь знакомому с политической экономией, известно, как часто в этой науке различные предметы переплетаются между собой, и что несравненно лучше *десять раз* повторить одно и то же, нежели хотя *один вопрос* оставить в темноте. Какого мнения я сам о моих собственных силах, можно лучше, нежели из моих слов, видеть из того вышеуказанного обстоятельства, что мне пришлось употребить так много лет прежде, нежели я был в силах создать что-либо сносное. Великие умы создают быстро и легко – для обыкновенных необходима масса времени и тяжелого труда. Однако и они могут при благоприятных условиях создать что-либо замечательное, раз они встречаются с теорией, изжившей свои силы, и если только они одарены несколько здравым смыслом и настойчивостью и разрешении своих сомнений. И бедняк

может сделаться богачом, если он станет откладывать копейку за копейкой, рубль за рублем.

Чтобы предупредить упрек в плагиате, я должен заметить, что развитые в этой книге положения давно уже были мной выражены в немецких и французских журналах, равно в газетах, а именно в «Allgemeine Zeitung», частью, однако, в виде беглых очерков и корреспонденций. Не могу здесь не воспользоваться случаем выразить публично мою признательность моему остроумному и ученому другу д-ру Кольбу за то, что он не побоялся дать место в своем уважаемом журнале моим, казавшимся сначала столь смелыми, заявлениям и доказательствам. Такую же признательность считаю своим долгом выразить барону Котте, который с такой похвальной энергией следует по стопам своего знаменитого отца, оказавшего столь важные услуги немецкой промышленности и литературе. Я чувствую себя обязанным публично заявить здесь, что собственник известнейшей в мире книгопродавческой фирмы оказал мне в железнодорожном деле Германии более услуг, чем какой-либо из немецких издателей, и что по его именно побуждению я решился опубликовать как очерк моей системы в «Vierteljahrsschrift», так и настоящий свой труд.

Для предотвращения упрека в недостатке полноты, позволю заметить, что по намеченному плану в этом первом томе я намерен был лишь соединить все, что мог сказать нового и оригинального о международной торговле и о торговой

политике, и в особенности, что может послужить к созданию национальной германской торговой системы. Я полагал, что такой способ для разрешения вопроса о немецкой промышленности в настоящий решительный момент будет гораздо действительнее, чем если бы я перемешал в своей книге старое с новым, несомненные истины с сомнительными положениями и стал бы снова повторять сто раз сказанное. Поэтому же я считал необходимым умолчать о том, что мне, на основании моих наблюдений и опыта, а также во время путешествий и исследований удалось, как я думаю, открыть в других областях политической экономии. Так, я был занят между прочим исследованиями о поземельном устройстве и об определении прав поземельной собственности, о средствах к поднятию рабочих сил и к оживлению в Германии духа предприимчивости, о недостатках, сопровождающих фабричную промышленность и о средствах к их устранению и предупреждению, об эмиграции и колонизации, о создании немецкого мореходства и о средствах к расширению внешней торговли, о влиянии рабовладения и средствах к его уничтожению, о положении и действительных интересах немецкого дворянства и т. д. Результаты этих исследований, хотя и не увеличили бы чрезмерно объем этой книги, здесь все-таки не должны иметь места.

Помещая упомянутый выше очерк в «Vierteljahrsschrift»²⁰

²⁰ «Die Nationalökonomie aus dem historischen Gesichtspunkt betrachtet» («Национальная политическая экономия с исторической точки зрения»),

я хотел, так сказать, спросить общественное мнение в Германии о том, позволено ли будет и не покажется ли странным изложение взглядов и начал, противоречащих по самой своей сущности положением господствующей политикоэкономической школы. Я хотел также дать приверженцам этой школы случай указать мне мои ошибки и тем направить меня на истинный путь. Однако очерк этот два года уже остается на глазах читающей публики, и до сих пор не раздалось еще ни одного голоса ни за, ни против. Мое самолюбие подсказывает мне, что мои положения неопровержимы; с другой стороны мой скептицизм нашептывает мне, что, вероятно, работа моя слишком ничтожна для того, чтобы вызвать возражение. Чему же верить? – Я не знаю; знаю только, что в вопросе о благосостоянии или бедствии, о жизни или смерти нации, и тем более нашей – *немецкой* — даже мнение самого незаметного деятеля заслуживает рассмотрения или по крайней мере опровержения.

«Но, – скажут представители школы, как было ими не раз уже говорено, – так называемая меркантильная система была уже нами блестяще опровергнута в сотнях и сотнях сочинений, статей и речей, обязаны ли мы в тысячный раз опровергать вновь трактующее о ней сочинение?» Это было бы, конечно, доводом неотразимым, если бы я старался восстано-

Vierteljahrsschrift, вып. 5, и «Ueber das Wesen und den Werth einer *nationalen* Gewerbs-Productivkraft» («О сущности и достоинствах *национальной* мануфактурной промышленности»), Vierteljahrsschrift, вып. 9.

вить только *так называемую меркантильную систему*. Достаточно будет прочесть только это введение, чтобы убедиться, что я из этой, заслужившей столь дурную славу, системы взял только хорошее и отбросил все ее ошибки; а именно на истории и на самой сущности вещей, что я также поступал с земледельческой системой и с так называемой промышленной системой, ошибочно называемой именем, которое может относиться только к так называемой меркантильной системе; что я сделал еще больше, я *первый раз* сопоставил тысячи раз повторявшийся космополитической школой доказательства с природой вещей и с уроками истории, и *в первый раз* выяснил значение беспочвенного космополитизма, игру двусмысленной терминологией и ложность системы доказательств. Все это, без сомнения, должно бы было обратить внимание школы и заслуживало основательного возражения. По меньшей мере *тот*, кем непосредственно вызваны все эти замечания, не должен бы был оставлять лежать перчатку, которую я ему бросил.

Чтобы были понятны все эти замечания, мне необходимо припомнить предшествующие обстоятельства. В своем отчете о Парижской промышленной выставке 1839 г., напечатанном во «Всеобщей газете», я позволил себе сделать беглый очерк современного состояния теории, а именно французской школы. По этому случаю в корреспонденции «С Рейна» в той же газете мне был дан урок в таком тоне и с такими аргументами, которые мне ясно показали, что я имел де-

ло с одним из первых ученых авторитетов Германии²¹. Мне был сделан упрек в том, что я, говоря о господствующей теории, назвал лишь Адама Смита и Сэй, и давалось понять, что в Германии также есть теоретики, заслужившие всемирную известность. Каждое слово этой корреспонденции дышит той самоуверенностью, какую вселяет теория, получившая непререкаемый авторитет, своим юным последователям, в особенности по отношению к скептикам, в которых они совершенно не признают знакомства с выученной ими наизусть теорией. Повторив известные доводы школы против так называемой меркантильной системы и высказав недовольство по поводу того, что приходится еще раз повторять сто раз выраженную и признанную целым светом истину, он восклицает: «Сам Жан-Поль где-то сказал, что ошибочная теория может быть *заменена* только лучшей».

Мне неизвестно, где и по какому поводу Жан-Поль высказал подобную мысль, однако, думается, я могу заметить, что эта мысль – в том виде, в каком она приводится корреспондентом «С Рейна», – очень похожа на общее место. Дурное, конечно, везде с успехом может быть *заменяемо* только чем-либо лучшим. Отсюда, однако, еще никак не следует, что дурное, считавшееся до сих пор хорошим и дельным, не следует выставлять в его истинном свете. Еще менее следует

²¹ Нужно думать, что здесь речь идет об известном профессоре Гейдельбергского университета Рау, – авторе курса политической экономии, выдержавшего несколько изданий. – *Прим. К. В. Тр-ва.*

отсюда, что нет необходимости преждевременно отвергнуть признанную ложную теорию, чтобы очистить место для лучшей или указать на необходимость в создании лучшей теории. Я, со своей стороны, не ограничился тем, что показал ошибочность и неосновательность господствующей теории, я в указанной выше статье в «Vierteljahrsschrift» предложил публике, в виде опыта, очерк новой теории, которую считаю лучшей; я следовательно выполнил именно то, что требуется приведенным из Жан-Поля выражением, понимаемым в тесном смысле. Однако этот выдающийся авторитет космополитической школы целых два года хранит упорное молчание.

Впрочем, строго говоря, это не совсем верно, будто ни один голос не отозвался на обе предшествовавшие моей книге статьи. Если я не ошибаюсь, автор статьи в одном из последних выпусков пользующегося высоким уважением журнала намекает на меня, говоря, что извне («не со стороны людей науки») делаются на господствующую экономическую систему нападки людьми, «обнаруживающими полное незнание с оспариваемой ими системой, которую они понимают как в ее целом, так и в частностях совершенно неверно» и т. д.

Эта высокодоктринерская полемика выражена фразами настолько схоластическими и в таких темных изречениях, что едва ли кому-нибудь, кроме меня, может прийти мысль, что она направлена против меня и моих сочинений. Поэто-

му и вследствие того, что я в самом не вполне уверен в том, что здесь дело идет обо мне, я, желая остаться верным своему намерению не называть имен, возражая на своего противника или его сочинение. Однако я не считаю себя в праве пройти его и молчанием, чтобы и самому автору, если он разумел меня, не дать повода думать, что им сказано нечто неопровержимое. В этом случае и без более точного указания ему должно быть совершенно ясно, что я о нем думаю. Откровенно заявляю этому противнику, что я посвящен в глубокие тайны науки, думаю, не менее его; что изречения и, кажущиеся глубокомысленными, но на самом деле ничего не говорящие, фразы, нагроможденные друг на друга в начале его статьи, имеют в политической экономии столько же значения, сколько фальшивая монета в денежном обращении; что общие места и претензия на исключительное знание указывают только на сознание собственного бессилия, что теперь совсем не время приписывать Адаму Смиту мудрость Сократа и объявлять светилом Лоца, который в Германии только разбавлял водой сочинения первого; что если бы он, мой противник, в состоянии был освободиться от влияния этих большей частью неприменимым к жизни авторитетов, он необходимо пришел бы к печальному выводу, что его собственные сочинения требуют значительного пересмотра; что такая геройская решимость принесла бы ему гораздо больше чести и славы, если бы он позаботился разъяснить вновь выступающим практическим деятелям в области политической

экономии истинные интересы их родины, вместо того, чтобы их забивать различными доктринерскими соображениями.

Подобное обращение принесло бы немаловажную пользу нации: известно, какое сильное влияние профессора политической экономии, если они занимают кафедры в известных и отличающихся многочисленностью слушателей университетах, оказывают на общественное мнение не только современного, но и последующего поколений. Я не могу удержаться, чтобы не помочь, насколько это возможно в пределах настоящего введения, тому, о ком здесь идет речь, освободиться от его теоретических мечтаний. Он беспрестанно говорит *о мире богатств*. В этом слове целый мир заблуждений – *мира богатства* не существует! Только представление о духовном или живом может быть соединено с понятием о мире, будет ли это жизнь твари или дух твари. Разве возможно говорить, например, о мире минералов? Устраните духовное начало, и все, что называется *богатством*, превратится лишь в мертвую материю. – Что случилось с сокровищами Тира и Карфагена, с богатством Венецианских дворцов, когда дух отлетел от этих каменных масс? – С вашим миром богатств вы хотите возвысить материю на степень самостоятельного начала – и в этом вся ваша ошибка. Вы рассекаете мертвое тело и показываете нам строение и состав его членов, но связать эти члены снова с телом, вдохнуть в них жизнь, сообщить им движение, вы не в силах. Ваш мир богатств – химера!..

Этих замечаний, я думаю, достаточно для убеждения в

том, что не страх заставляет меня избегать в этой книге рассуждений об ученых работах немецких экономистов. Я желаю избежать лишь бесполезной и вредной полемики; ибо только со времени основания таможенного союза для немцев явилась возможность рассматривать политическую экономию с *национальной* точки зрения; и после того как некоторые из прежних ярых защитников космополитической системы изменили свой взгляд было бы явным упорством, при таком положении дела, посредством личного порицания препятствовать беседе с такими людьми.

Конечно, эти соображения могут иметь значение лишь для живых еще писателей, но, откровенно говоря, не будет ничего странного, если их направить и против умерших, так как они повторили ошибки Смита и Сэя и на самом деле ничего нового и существенного не внесли от себя. Считаю необходимым заметить, что здесь, как и в остальной части этой книги, наша задача ограничивается изложением учения о международной торговле и о торговой политике – везде следовательно мы признаем те заслуги, которые могли бы быть оказаны как умершими, так и современными писателями в других областях политической экономии. Читайте для этого сочинения Лода, Пелица, Роттека, Содена и т. д. – не говорю о второстепенных, каковы Краузе, Фульда и т. д., – и вы увидите, что они в данном вопросе являются слепыми последователями Смита и Сэя, и что там, где они отступают от своих учителей, их рассуждения не имеют никакой це-

ны. То же нужно сказать даже о Вейтцеле, одном из лучших политических писателей Германии; и даже у опытейшего и проницательного Рудгарта по этому важному вопросу можно найти лишь некоторые то там то здесь разбросанные блестящие замечания.

Мне очень больно, что в тот самый момент, *когда организуется подписка на памятник*²² *Роттеку*, я принужден открыто высказать заключение, что он не имел ясного представления ни о международной торговле, ни о торговой политике, ни о системах, ни о практическом применении политической экономии. По справедливости, однако, меня извинят в этом, если обратят внимание на то, что в приводимом здесь из одного из последних его сочинений месте Роттек не только строго, но и совершенно неверно осудил меня и мою деятельность²³ и тем поставил меня в необходимость защищаться.

Упрек Роттека в том, что я, вместо того чтобы указать на отлив звонкой монеты и на обеднение государства, выражаю сетования лишь на бедственное положение фабрикантов, что система германского торгового союза частью невыполнима, частью связана с *некоторыми* невыгодами, – этот упрек носит те же следы, какие заметны на всем почти, что говорит

²² Под наименованием памятника Лист имел, очевидно, в виду предстоявшее издание собрания сочинений Роттека. – Прим. К. В. Тр-ва.

²³ См.: Staatsrecht der constitutionellen Monarchie, angefangen von Frhrn v. Aretin, fortgesetzt von Karl v. Rottek. Leipzig 1839. S. 300.

Роттек в своей главе о государственном хозяйстве, – следы незнания. Если прочтут мою книгу и потом приступят к чтению указанной главы, то, надеюсь, не признают такой приговор несправедливым. Пусть прочтут только то, что сказано в моей XXVII главе о принципе реторсии, и проследят затем выводы Роттека, тогда убедятся, что Роттек несправедливо переносит на почву права чистый вопрос *о промышленном воспитании наций*, что он рассматривает его не как эконом-националист, а как профессор государственного права. Это полное незнакомство с моей деятельностью и с моим значением как экономиста, это нападение дает мне полное право сказать в свое оправдание следующее: было бы гораздо благоразумнее, если бы Роттек в своих сочинениях и в своих депутатских речах великодушно признался, что он не имеет ни малейшего практического опыта в вопросах международной торговли и торговой политики, и что политическая экономия для него составляет совершенно неизвестную область, вместо того чтобы позволять себе о том и другом предмете такие рассуждения, которые наносят явный ущерб его авторитету в других областях. Пусть вспомнят, что гг. Роттек и Велькер, несмотря на прежнее заявление, что они ничего не понимают в торговле, все-таки в Баденской палате сильнейшим образом протестовали против вступлений Бадена в большой германский торговый союз. Хорошо знакомый с тем и другим, я услышав, что они перешли на ту сторону, позволил себе обратиться к ним по этому случаю с настойчи-

выми убеждениями, на что и получил довольно колкий публичный ответ. Имели ли влияние или нет эти убеждения на недоброжелательный приговор Роттека, вопрос этот я оставлю открытым.

Пелиц, который ни в каком случае не был самостоятельным мыслителем и во всем обнаружил недостаток опыта, в данном случае был лишь компилятором. Какие мнения высказывал по вопросам политической экономии этот бездарный ученый, занимавший первую в Германии кафедру политических наук, можно судить по одному примеру. В то время как в Лейпциге *умные люди* поднимали меня на смех за предложенную мной лейпцигско-дрезденскую железную дорогу и за мою германскую железнодорожную систему, я обратился к г. Пелицу за помощью и советом и получил такой ответ: теперь еще невозможно с уверенностью сказать, насколько полезно и необходимо это предприятие, так как невозможно предвидеть, в какую сторону направится на будущее время товарное движение. Этот глубокомысленный теоретический вывод перешел затем, если не ошибаюсь, и в его печальной памяти ежегодники.

Когда я в первый раз встретился с Лотцем, я позволил себе скромно изложить ему некоторые новые взгляды на политическую экономию, с целью вызвать его на сообщение его воззрений и тем исправить мои собственные. Г. Лотц не пожелал входить в объяснения, но лицо его приняло смешанное не то важное, не то ироническое выражение, и это ясно

показало мне, что он считал свое положение настолько высоким, что не находил возможным вступать со мной в какие бы то ни было рассуждения. Он сказал, впрочем, несколько слов, смысл которых был тот, что рассуждения о научных предметах между дилетантами в науке и глубокомысленными учеными не могут привести ни к чему. В то время я уже целых пятнадцать лет не пересматривал сочинения Лотца, и мое уважение к их автору, таким образом, восходило к давнему времени. Такой прием показал мне ясно истинное достоинство сочинений Лотца – прежде еще, чем я снова их перечел. Как может, думал я, человек, избегающий опыта, создать что-нибудь дельное в опытной науке, какой является политическая экономия?

Когда я затем снова взял в руки его толстые тома, прием г. Лотца для меня перестал быть загадкой. Ничего нет естественнее того, что авторы, которые только переписывают и перетолковывают своих предшественников и все свое знание почерпывают из книг, приходят в совершенное смущение и становятся в тупик, когда им приходится встретиться с данными опыта, противоречащими их школьному знанию, или с совершенно новыми идеями.

Граф Соден, которого я хорошо знал, был гораздо интереснее в разговоре, чем в своих сочинениях, и был необыкновенно либерален по отношению к высказываемым ему сомнениям и возражениям. Новостью в его сочинениях, главным образом, нужно признать метод и терминологию. К со-

жалению, эта последняя у него еще напыщеннее прежней и завлекла бы науку в схоластическую трясину еще глубже терминологии Смита и Сэя.

Вейтцель в своей истории политических наук о всех экономистах судит вполне с точки зрения космополитической школы.

Если я, по приведенным выше основаниям, воздерживаюсь от всякого упрека еще живым экономистам Германии, то это не мешает мне отдать справедливость всему хорошему и замечательному в сочинениях Небениуса, Германа, Моля и др.

Я большей частью, как видно будет ниже, соглашаюсь с идеями Небениуса в его сочинении о германском таможенном союзе, касающимися системы, которой следует держаться теперь этим союзам.

Так как это сочинение, очевидно, написано с целью повлиять *в данный момент* на дальнейшее развитие союза, то вполне целесообразно, что остроумный и оказавший столь важные услуги немецкой промышленности автор, совершенно пренебрегает теорией и практикой. Потому книга его и отличается всеми достоинствами и недостатками сочинения, написанного на случай. И если такое сочинение в данную минуту в состоянии оказать сильное влияние, то на будущее время оно не предохранит от заблуждений. Предположим, например, что англичане и французы отменили все пошлины на немецкие продукты сельского хозяйства и лесоводства

– тогда, на основании соображений Небениуса, не оказалось бы более никаких оснований к поддержанию германской таможенной системы. В сочинении «Наука о полиции» Моля высказано очень много верных взглядов на таможенную систему; известно также и о Германе, какое сильное влияние оказывает он практически на усовершенствование германского таможенного союза и в особенности на развитие баварской промышленности.

При этом случае не могу не припомнить того обстоятельства, что немцы, в противность всем другим нациям, разделяют предметы политической экономии на две различные категории учений: под названием национальной экономии, политической экономии, государственного хозяйства и т. д. они преподают теорию космополитической системы по Смитту и Сэю; а в науке о полиции они рассматривают, насколько государственная власть имеет призвания проявлять вмешательство в производство, распределение и потребление материальных богатств. Сэй, выражающийся тем положительнее, чем меньше он знаком с тем, о чем говорит, язвительно замечает немцам, что они смешивают политическую экономию с учением о государственном управлении. Так как Сэй не знает немецкого языка и так как ни одного немецкого сочинения по предметам политической экономии не переведено на французский язык, то он должен был узнавать об этом предмете от кого-нибудь из путешествующих замечательных людей Парижа. Но такое разделение науки, дававшее до сих

пор во всяком случае повод ко многим недоразумениям и противоречиям, в сущности показывает, что немцы гораздо ранее французов почувствовали, что существует экономия *космополитическая* и *политическая*, и они назвали первую национальной экономией, а вторую полицейской наукой.

В то время, когда я писал вышеизложенное, мне попала под руки книга, которая побуждает меня сознаться в том, что я высказался об Адаме Смите гораздо снисходительнее, чем должен был то сделать по своему убеждению. Это вторая часть «Галереи портретов по разговорам и переписке Раэля», изданная Варгагеном фон Энзе. Мне хотелось знать, что здесь сказано об Адаме Мюллере и Фридрихе Гентце, которых я лично знал²⁴, но я нашел жемчужины совершенно не там, где их искал, а именно в переписке между Раэлем и Александром Марвитцом. Этот образованный молодой человек, готовясь к экзамену, читал и в то же время критиковал Адама Смита. В помещенной здесь выноске читатель увидит, что именно во время своих занятий он писал об Ада-

²⁴ Позже, может быть, представится мне случай дать некоторые объяснения по предмету о замечательных произведениях этих лиц, насколько они касаются немецкой торговой политики. Я знал того и другого лично в бытность мою на венском конгрессе в 1820 г. Мюллер, с которым я часто встречался у покойного герцога Ангальт-Готско-го, находившегося тогда в оппозиции к Пруссии, и который пользовался его доверием. Генц был менее доступен вследствие занимаемой им должности и отношений к Англии; мои неоднократные беседы с ним, хотя и не лишённые интереса, не привели меня, однако, с ним к взаимному соглашению, так как тотчас же после отъезда моего из Вены он начал против меня во «Всеобщей газете» анонимную полемику, которую я поддержал для себя с успехом.

ме Смита и о его немецкой школе²⁵. И этот приговор – приговор, который содержит в двадцати строках *все – все* решительно, что можно сказать об Адаме Смита и его школе, произнес Марвитц после того, как прочел Адама Смита в первый раз. Он, юноша двадцати четырех лет, окружен-

²⁵ См. с. 57. «Все свое знание черпали они из Адама Смита, ограниченного, но в своей ограниченной сфере остроумного человека, которого основные положения они при всяком случае проповедают, давая им, подобно школьной болтовне, нелепое развитие. Его наука весьма удобна, так как она независимо от всякой идеи, не принимая в соображение различных направлений человеческой жизни, строит “одну общую для всех” – для всех наций и *для всех положений* “одинаково применимую коммерческую систему”, мудрость которой состоит в том, чтобы *людям предоставлено было делать то, чего они пожелают*” Его точка зрения исходит из частного интереса; он не сомневается, что государство должно руководиться иным взглядом высшего порядка, и вследствие того национальная промышленность должна следовать другому направлению, чем то, которое желает тот, кто пользуется наслаждениями *вульгарными*. Насколько такая мудрость, развиваемая с пронизательностью, глубина которой одна может ее одолеть, и при том со знанием и ученостью, должна прельщать наш век, который весь руководится подобной точкой зрения. Я читаю и критикую его. Его книга читается только медленно, так как он ведет нас через *лабиринт пустых отвлеченностей* среди искусственной путаницы его производительных сил, где следовать за ним оказывается более утомительно, чем трудно». С. 61. «К моему великому удовольствию я скоро кончу читать Адама Смита, так как, в конце, когда он говорит о делах государственных, войне, суде, просвещении, он *оказывается совсем глупым...* Я буду говорить о нем подробно, это стоит того, так как наряду с Наполеоном, он ныне в Европе монарх наиболее могущественный». (Буквально верно). – С. 73: «Я нахожусь на шестом листе сочинения Адама Смита и завтра его кончу. Я привезу мой труд в Берлин». – С. 56: «Экономист Краузе копирует Адама Смита, пользуясь самыми пошлыми и самыми наглыми приемами настолько прямо, что дошел до приведения тех же самых примеров; впрочем, когда Адам Смит говорит о суконном фабриканте, то он говорит о шелковом; где Адам Смит говорит: Калькутта и Лондон – он ставит: Транкебар и Копенгаген». (Буквально верно).

ный учеными, поклонявшимися, как Богу, Адаму Смиту, он один сильной и верной рукой низвергает и в дребезги разбивает их идола и смеется над глупостью его обожателей. И его, призванного открыть глаза своей родине, всему свету, сбили окончательно глупейшими вопросами на экзамене, окончание которого доставило бы ему столько радости. И он должен был умереть еще прежде, чем успел понять свое призвание. Величайший экономист Германии – единственный мыслящий в известном направлении – должен был умереть на чужбине. Напрасно будете искать его могилу. Раэль был единственной его публикой, и три мимоходом брошенных заметки в его интимных письмах являются единственными его трудами. Однако – что ж я говорю? Разве Марвитцем не были посланы Раэлю целых шесть кругом исписанных листов об Адаме Смите? Может быть они найдутся в оставленных Раэлем бумагах и может быть г. фон Варнгаген не откажется поделиться ими с немецкой публикой.

По правде, никогда я не чувствовал столь малым, как при чтении этих писем Марвитца. Ему – безбородому юноше – достаточно было двух недель для того, чтобы сорвать покрывало, скрывавшее кумира космополитической школы, а мне для этого потребовался целый ряд годов зрелого возраста. Особенно поразительна параллель между Наполеоном и Адамом Смитом, которую он очертил двумя словами: *«они оба могущественнейшие монархи земли»* – «опустошители земли» сказал бы он без сомнения, если бы такое выражение

не было опасным в 1810 г. Какой широкий взгляд на великие мировые отношения! – какой ум!

После таких сообщений я хочу откровенно сознаться, что я перечеркал совершенно уже обработанную для этой книги главу об Адаме Смите единственно во внимание к тому преувеличенному уважению, которым пользуется его имя, и из боязни, чтобы мой откровенный приговор не объяснили моей заносчивостью.

То, что я сказал в этом первом труде, я не могу повторить здесь вполне, не увеличив предисловия до объема целой книги, так как я по крайней мере шесть печатных листов свел на *один* лист; я должен поэтому ограничиться лишь кратким извлечением. Я сказал, что политическая экономия в *важнейших своих отделах*, а именно в тех, которые касаются международной торговли и торговой политики, благодаря Адаму Смиту, сделала огромный попятный шаг; что, благодаря ему, в эту науку проник дух софистики, схоластики – темноты – лжи и лицемерия, что теория сделалась ареной сомнительных талантов и пугалом для большинства людей даровитых, опытных, со здравым пониманием и правильным суждением; что он дал в руки софистов доказательства, которыми они вводят в заблуждение нации относительно их современного состояния и будущего. Биограф его Дугальд Стюарт, как я помню, сообщает, что этот великий ум не мог покойно умереть прежде, чем все его бумаги не были сожжены, что невольно вызывает у меня как бы сильное подозре-

ние в том, что в этих бумагах имелись доказательства против его искренности²⁶. Я показал, как со времени Питта и до Мельбурна английские министры пользовались его теорией для того, чтобы в интересах Англии пускать пыль в глаза другим нациям. Я назвал его наблюдателем, глаз которого замечает лишь отдельные песчинки, комки земли, стебли травы или кусты, но не может охватить всей местности; я сравнил его с живописцем, который хотя и умеет с поразительной верностью передавать частности, но не в силах соединить их в одно гармоническое целое, и нарисовал чудовище, различные члены которого, превосходно переданные, принадлежат различным телам.

Как на характеристическое отличие созданной мной системы я указываю на *национализм*. На сущности *национализма*, как среднего члена между понятиями *индивидуализма* и *человечества* зиждется все мое здание. Долго думал я о том, не следует ли мне назвать свою систему *натуральной [естественной] системой* политической экономии, название, которое также было бы правильным и, может быть, в некоторых отношениях было бы даже лучше того, на котором я остано-

²⁶ Такая неприязнь к А. Смиту со стороны Листа и преувеличения недостатков учений английского экономиста объясняется тем, что настоящее «Введение» написано было (как это замечает позже Лист в письме к своему другу) под впечатлением известия, что с Великобританией заключается коммерческий трактат на основаниях, разорительных для Германии. «Без этого, – прибавляет Лист, – каким образом решился бы я превознести до небес, как я это сделал, молодого Марвитца?» – Прим. К. В. Тр-ва.

вился, тем более что я все предшествовавшие системы представлял основанными не на сущности вещей и стоящими в противоречии с уроками истории. Но от этого намерения я был удержан замечанием одного из моих друзей, что люди поверхностные, привыкшие судить о книгах по их заглавиям, могут принять мое сочинение за простое изложение системы физиократов.

При этой работе у меня вовсе не было желания подслушаться к какой-либо ученой партии или получить право на занятие кафедры политической экономии, или заслужить известность автора руководства, принятого всеми факультетами, или дать доказательство моей годности для занятия какой-либо государственной должности; я имею ввиду лишь немецкие национальные интересы, и эта цель настойчиво требовала от меня свободного выражения моих убеждений без примеси составных частей, которые хотя и не были бы приятными для вкуса и обоняния, но зато оказали бы надлежащее действие, – и прежде всего – *популярного* изложения. Если теория экономической экономии должна преследовать в Германии национальные интересы, то она должна из кабинетов ученых и высших государственных сановников и с профессорских кафедр перейти в конторы фабрикантов, оптовых негоциантов, кораблехозяев, капиталистов и банкиров, в бюро всех чиновников и адвокатов, в дома собственников, в особенности же в палаты земских собраний, одним словом она должна сделаться общественным до-

стоянием всех образованных людей нации. Только при этом условии торговая система германского таможенного союза получит ту устойчивость, без которой, даже при самых лучших намерениях, даровитейшие государственные люди будут приносить лишь зло и вред. Настоятельная потребность в такой устойчивости и важность общественного мнения, просвещенного и укрепленного свободой прений, нигде не проявляются с такой очевидностью, как в вопросах о торговых договорах. Метуэнские договоры (Methuen-Vertäge) могут заключаться только в таких странах, где мнение кабинета министров – всё, а общественное мнение – нуль. Новейшая история германской торговой политики ставит верность этого замечания вне всякого сомнения. Если где гласность является гарантией для трона (а таковой она является везде, где она возбуждает национальные силы, расширяет общественный кругозор и контролирует администрацию в интересах нации), то это в вопросах промышленности и торговой политики. Немецкие князья никаким другим способом не могут лучше охранить свои династические интересы, как предоставив и, по силе возможности, возбуждая и поддерживая свободу открытому обсуждению вопросов, касающихся материальных интересов нации. Но чтобы это обсуждение было вполне разумно, особенно необходимо, чтобы теория политической экономии и практический опыт других народов сделались общим достоянием всех мыслящих людей страны.

Поэтому, при обработке настоящего сочинения, я глав-

ным образом старался быть ясным и понятным, даже в ущерб стилистической выработке и рискуя показаться не ученым и не глубоким. Я был поражен поэтому, когда один из моих друзей, прочитав некоторые главы, сказал, что «он встретил там прекрасные места». Я не *желал*, чтобы в моей книге были такие места. Красота стиля не составляет потребности для национальной экономики – это не только не достоинство, напротив, это недостаток в национально-экономическом труде, так как к красоте стиля нередко прибегают для того, чтобы прикрыть недостаток или слабость логики и выдать софистические доказательства за основательные и глубокомысленные. Ясность, общедоступность – вот главная потребность в изложении этой науки. Глубокомысленные, по-видимому, силлогизмы, напыщенные фразы и изысканные выражения необходимы только тем, у которых не хватает проницательности, чтобы понимать сущность вещей, тем, которые плохо понимают самих себя и потому не имеют средств сделать себя понятными для других.

Не следовал я также моде, требующей массы цитат. Я прочел сочинений в сто раз больше, нежели у меня их указано. Но, кажется, я заметил, что большинство читателей, которые из науки не делают профессии, и может быть из них самые умные и любознательные, испытывают страх и робость, когда им приводят целые легионы литературных свидетелей и авторитетов. Поэтому я не желал бесполезно занимать место, в котором я так нуждался. Я вовсе, однако, не хочу утвер-

ждать, что обильные цитаты в руководствах, трудах исторических и т. д. не составляют их большого достоинства, я хочу только дать понять, что я не имел намерения писать руководство.

Нужно думать, что я оказываю немаловажную услугу немецкой *бюрократии*, представляя ей соответствующую ее практике теорию и разъясняя ошибки тех, которые никогда не относились к ней с особенным уважением. Конечно, разногласие, господствующее между теорией и практикой, никогда не было особенно благосклонно к авторитету канцелярий. Неопытнейший студент, космополитические тетрадки которого едва успели высохнуть, считал неременной обязанностью изобразить на своем лице презрительную улыбку всякий раз, когда богатый опытом советник или дельный и мыслящий делец говорил о покровительственных *таможенных пошлинах*.

Не менее, думается, имеем мы право на одобрение и со стороны немецкого как богатого, так и бедного дворянства, которому мы показали, что оно, благодаря своим собственным собратам в Англии – ториям – частью обеднело, обанкротилось и разорилось, и что мы – промышленники и их органы – нашими усилиями в течение истекшего десятилетия поправили его положение; мы ему доказали, что на его долю поступает значительнейшая и лучшая часть меду, который мы носим в улей, потому что мы прилежно работаем для увеличения его арендной платы и ценности его по-

местий; что мы ему отдаем дочерей богатейших наших промышленников и таким образом богато вознаграждаем иссякшие после упразднения аббатств, епископов и архиепископов в немецком государстве источники его благосостояния и средства для воспитания его младших сыновей и остающихся без наследства дочерей – его родословное дерево мы деятельно возвращаем. Немецкому дворянству достаточно бросить один только взгляд на знать английскую, чтобы понять, сколько пользы могут и должны ему принести богатство страны, обширная вывозная торговля, мореходство, флоты и колонии. А к чему ведут запущенное сельское хозяйство, нищенское и бесправное состояние городского сословия, закрепощение крестьян, возвышение знати над законом, феодализм и вся та пышность, о которой даже в самое последнее время вздыхали высокородные *laudatores temporis acti*²⁷, может выяснить один лишь взгляд на польскую знать и на ее современное положение. Пусть не смотрит поэтому немецкое дворянство на наши старания с завистью или враждой. Пусть дворянство делается *парламентарным*, а прежде всего вполне *национальным*; пусть оно становится не против нас, а во главе нашего национального стремления: в этом заключается ее действительное назначение. Всюду и всегда счастливейшим временем для нации было то, когда дворянство и городское сословие, соединившись, становились опорой национального величия; всюду печальнейшей

²⁷ Поклонники времен прошедших. – Прим. ред.

эпохой была та, когда они вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. С давних пор военная служба является основанием к образованию аристократического сословия, и много ли времени пройдет еще до тех пор, когда физика, механика и химия заменят всякое личное мужество – и уничтожат, быть может, самую войну? Короче сказать, мы показали, что без национального преуспеяния в земледелии, промышленности и торговле, без искреннего сочувствия их интересам, для немецкой аристократии нет спасения.

Считаем нужным предпослать еще несколько замечаний для верного понимания двух слов, которые встречаются в некоторых местах этой книги, а именно слов *свобода* и *национальное единство*.

Ни один благоразумный человек не будет отстаивать для Германии иной *свободы* и иной формы правления, кроме той, которая династиям и дворянству гарантирует не только высшую степень благосостояния, но, что несравненно больше, прочность. На наш взгляд иная, чем конституционно-монархическая форма правления принесла бы Германии не менее бедствий, чем монархическая – Соединенным Штатам Северной Америки, или конституционная – России. На наш взгляд та форма правления должна быть признана наилучшей, которая больше всего соответствует гению и состоянию нации, и в особенности той степени культуры, на которой она стоит. Но если для нас представляется пагубным и безумным всякое стремление подкопать монархическое начало и

существование дворянства, то еще более опасным кажутся нам ненависть, недоверие и зависть к развитию свободного промышленного и богатого городского сословия и к господству закона, так как в них заключается главная гарантия благосостояния династии и дворянства. Не желать в стране развития по законному пути такого городского сословия, значит поставить нацию в необходимость выбирать между чужеземным игом или внутренними волнениями. Таким образом, не менее грустно слышать, что зло, которым в наше время сопровождается промышленность, считают достаточным мотивом для устранения самой промышленности. Есть гораздо большие бедствия, чем пролетариат: пустое казначейство – национальное бессилие – национальное рабство – национальная смерть.

Ни один честный и разумный человек не пожелает в Германии другого *национального единства*, как то, которое каждому отдельному государству и племени гарантирует самостоятельность, свободное движение и деятельность в своем собственном кругу и только в отношении национальных интересов и национальных целей подчиняет его общей воле, – единство, которое далеко от подавления или уничтожения их, может обеспечить каждой из них в отдельности и всем вместе существование и прочность, – единство, которое зиждется на исконном гении сыновей Тевта – на гении, остающемся в этом отношении одним и тем же и при республиканской форме правления (Швейцария, Северная Америка),

и при монархической.

Не всем еще понятно, куда ведет *раздробленная национальность*, которая относится к национальности нераздробленной так же, как куски разбитой вазы по отношению к целому. Еще не прошло время жизни человека до старости с тех пор, когда все немецкие побережья носили названия французских департаментов, с тех пор, когда священная рука Германии давала злосчастной конфедерации вассалов имя чужеземного завоевателя, с тех пор, как сыны Германии на палящих песках юга и на снежных равнинах севера проливали свою кровь для славы и завоевательных стремлений чужеземца. Только *национальное единство*, а не другое какое-либо, думаем мы, может предохранить и нас, и нашу промышленность, и наши династии, и наше дворянство от возобновления подобной эпохи.

Но вы, так протестующие против возвращения галльского владычества, находит ли терпимым и доблестным, чтобы ваши реки и гавани, ваши берега и моря продолжали находиться под британским влиянием?

Ни в одной части политической экономии не господствует такого разногласия между теоретиками и практиками, как относительно международной торговли и торговой политики. Вместе с тем в области этой науки не существует другого вопроса, который бы имел столь важное значение как по отношению к благосостоянию и цивилизации страны, так и по отношению к ее самостоятельности, могуществу и устойчи-

вости. Бедные, слабые и дикие страны сделались державами, преисполненными богатства и могущества, главным образом вследствие их мудрой торговой политики, другие, наоборот, вследствие противоположной причины, с высоты своего национального величия опустились на степень незначительности; можно указать даже на такие примеры, когда нации теряли свою самостоятельность и даже переставали политически существовать главным образом потому, что их торговая система не способствовала развитию и укреплению их национальности.

В настоящее время более чем когда либо из всех других вопросов, относящихся к политической экономии, указанный выше вопрос приобрел преобладающий интерес. Ибо чем быстрее развивается дух промышленной изобретательности и усовершенствований, дух социального и политического развития, тем больше будет расстояние между неподвижно остановившимися и идущими вперед нациями и тем опаснее будет оставаться назади. Когда-то целые столетия необходимы были для того, чтобы забрать в свои руки монополию самой значительной в прежнее время отрасли мануфактурной промышленности – шерстяной, позднее достаточно было десятилетий для монополизации несравненно важнейшей мануфактуры – хлопчатобумажной, а в наше время период нескольких лет был достаточен для того, чтобы сосредоточить льняную промышленность всего европейского континента в руках англичан.

Никогда еще не видал свет такого мануфактурного и торгового верховенства, которое, обладая необыкновенными силами нашего времени, следовало бы столь выдержанной системе и с такой энергией стремилось бы забрать в свои руки все отрасли мануфактурной промышленности, всякую обширную торговлю, мореходство, все значительные колонии, всякое господство на море и подчинить себе в промышленном и торговом отношении все прочие нации, как то сделано с индусами.

Испуганная результатами этой политики, малого того, принужденная теми волнениями, какие были ею вызваны в новейшее время, одна континентальная страна, мало еще подготовленная вследствие культурных условий к мануфактурной промышленности, а именно Россия, решилась искать спасения в так осуждаемой теорией протекционной системе, и что же является результатом этого? Благосостояние нации²⁸.

С другой стороны, возвеличившаяся благодаря таможенной системе Северная Америка, подкупленная обещаниями теории, решается открыть свои гавани английским мануфактурным товарам, – какие же плоды принесла там свободная конкуренция? Волнения и разорение.

Опыты такого рода невольно вызывали сомнение в том, действительно ли теория так непогрешима, как она заявля-

²⁸ Фр. Лист говорит здесь о времени управления русскими финансами графа Канкрин. – *Прим. К. В. Тр-ва.*

ет, действительно ли практика настолько бессмысленна, как то утверждает теория, – они возбудили опасения, чтобы наша национальность в конце концов не подверглась опасности погибнуть вследствие какой-нибудь теоретической ошибки, подобно пациенту, который, следуя данному ему рецепту, умирает вследствие вкравшейся в него описки, – они возбудили, наконец, подозрение, не для того ли, собственно, эта теория воздвигнута так широко и так высоко, чтобы, наподобие известного греческого коня, скрыть оружие и людей и тем принудить нас своими собственными руками разрушить защищающие нас стены.

По крайней мере, выяснено ли сколько-нибудь то обстоятельство, что с тех пор, как в течение более полустолетия великий вопрос торговой политики служит предметом исследования для проницательнейших умов как в печати, так и в законодательных учреждениях, пропасть, отделяющая теорию и практику со времени Кенэ и Смита, не только не замкнулась, а, напротив, год от года все более и более раздвигается? Что же это за наука, в самом деле, если она не освещает того пути, по которому должна следовать практика? И разумно ли предполагать, что понимание одних настолько бесконечно велико, что для них всюду верно выясняется сущность вещей, а понимание других, напротив, настолько бесконечно мало, что они, не в состоянии будучи понять открытых и разъясненных первыми истин, в течение ряда поколений продолжают принимать очевидные ошибки за истины?

Не следует ли скорее предположить, что практики, может быть, вообще слишком пристрастные к тому, что существует на самом деле, не вооружались бы так долго и так решительно против теории, если бы сама теория не стояла в противоречии с сущностью вещей?

В действительности мы надеемся показать, что в противоречии между теорией и практикой виноваты столько же теоретики, сколько и практики.

Политическая экономия в отношении к международной торговле должна основывать свое учение на опыте, соотносить предлагаемые ею меры с потребностями настоящего времени и с своеобразным положением каждой отдельной нации, не упуская в то же время из вида требований будущего и всего человечества. Она опирается, следовательно, на философию, политику и историю.

В интересах будущего и всего человечества философия требует: все большего и большего сближения между собою различных наций, избежания насколько возможно войны, укрепления и развития международного права, перехода того, что мы теперь называем народным правом, в государственно-федеральное право, свободы в сношениях между собою народов – как в области умственной, так и в материальной, наконец, объединения всех наций под верховенством закона – одним словом, всемирного союза.

В интересах каждой отдельной нации, в частности, политика, напротив, требует: гарантии для ее самостоятельности

и долговременности существования, особенных мер к поощрению ее успехов в культуре, благосостоянии и могуществе и к улучшению ее социального строя, чтобы она являлась политическим организмом, полно и гармонически развитым во всех частях, совершенным в самом себе и политически независимым.

История, со своей стороны, говорит решительно в пользу требований будущего, так как она в то же время учит, что всегда материальное и интеллектуальное благополучие возрастало пропорционально расширению политической ассоциации и торговых связей. С другой стороны, она оправдывает также и требования политики и национальности, показывая, как погибали те нации, которые не охраняли в течение долгого времени интересы собственной культуры и могущества; как, с одной стороны, для каждого народа на первых ступенях его развития была выгодна полная свобода торговых сношений с опередившими его нациями, но как, с другой стороны, каждая страна, которая уже совершила известный путь, могла идти далее только посредством известных ограничений в ее международных торговых сношениях и таким образом, возвышаясь, стать в уровень с другими опередившими ее нациями. История, таким образом, указывает средства к согласованию взаимных требований философии и политики.

Но практика и теория в их современном состоянии являются окончательно односторонними, одна – подчиняясь

частным требованиям национальности, другая – защищая требования исключительно космополитические.

Практика, или, другими словами, так называемая меркантильная система, впадает в большую ошибку, настаивая на абсолютной и всеобщей полезности и необходимости ограничений, потому что эти ограничения в известных странах и в известные периоды их развития оказались полезными и необходимыми. Она не видит того, что ограничение является лишь средством, свобода же – целью. Имея в виду только нацию и никак не человечество, только настоящее и никак не будущее, она преследует исключительно политические и национальные интересы, ей недостает философского взгляда – космополитической тенденции.

Господствующая теория, напротив, в том виде, как она представлялась Кенэ и как была затем обработана Адамом Смитом, имеет в виду исключительно космополитические требования будущего, и даже самого отдаленного будущего. Универсальный союз и абсолютная свобода международной торговли – космополитические идеи, которые, может быть, только через целые столетия в состоянии будут получить реальное применение, – эти идеи она принимает за применимые в настоящее время. Не понимая требований настоящего и природы национальности, она игнорирует даже самое существование наций, а вместе с тем и принцип воспитания нации для самостоятельности. Исключительно космополитическая, теория эта признает лишь все человечество, благо-

состояние лишь всего рода человеческого и ни в каком случае не нацию или национальное благосостояние; она чурается политики, а опыт и практику объявляет пошлой рутинной. Наблюдая историю, лишь насколько она соответствует ее односторонней тенденции, она игнорирует или извращает ее уроки в том случае, когда они оказываются в противоречии с ее системой, она видит себя поставленной в необходимость отвергнуть результаты английского навигационного акта, Метуэнского договора и английской торговой политики вообще и поддерживать положение, противоречащее всякой правде, что Англия достигла богатства и могущества не благодаря своей торговой политике, а несмотря на нее.

Поняв, таким образом, односторонность той и другой системы, мы можем не удивляться больше тому, что практика, несмотря на свои крупные ошибки, не желала и не могла позволить теории произвести в ней реформу; нам ясно будет также и то, почему теория не желала ничего знать ни об истории или опыте, ни о политике или национальности. Если, однако, несмотря на то, эта беспочвенная теория проповедуется на всех переулках и со всех крыш, и притом особенно усердно в тех странах, национальной самобытности которых благодаря этой теории грозила наибольшая опасность, то объяснения этому можно искать лишь в исключительной склонности эпохи к филантропическим экспериментам и к разрешению философских проблем.

Но в жизни наций, так же как и в жизни индивидуумов,

против иллюзий идеологии есть два могущественных средства: опыт и необходимость. Если мы не ошибаемся, все нации, которые в новейшее время думали найти свое спасение в свободных сношениях со страной, завоевавшей мануфактурное и торговое верховенство, скоро должны будут подвергнуться важным испытаниям.

Совершенно невозможная вещь, чтобы Северо-Американские Соединенные Штаты, упорно сохраняя свою настоящую торговую политику, могли достигнуть должного порядка в их народном хозяйстве. Им, безусловно, необходимо возвратиться к их прежнему таможенному тарифу. Пусть рабовладельческие штаты противодействуют этому, пусть господствующие партии поддерживают их, сила вещей превозможет над политикой партий. Мы опасаемся, что рано или поздно пушкам придется разрешать вопрос, который был гордиевым узлом для законодательства, что Америка заплатит Англии остаток по счету свинцом и порохом, что фактическая запретительная система войны уврачует недостатки американского таможенного законодательства, что завоевание Канады положит навсегда конец возвещенной Гускиссоном обширной контрабандной системы Англии.

Мы можем ошибаться! Но если наши предсказания исполнятся, виновницей этой войны мы должны будем признать теорию свободы торговли. Странная ирония судьбы: теория, опирающаяся на великую идею вечного мира, должна возжечь войну между двумя державами, которые, по сло-

вам теоретиков, созданы для производства торговли друг с другом – это почти так же странно, как и результаты филантропической отмены торговли рабами, вследствие чего теперь тысячи негров потоплены в морской глубине²⁹.

Франция в течение последних пятидесяти лет (или, собственно, последних двадцати пяти лет, так как едва ли можно принимать в расчет время революции и войны) произвела огромный опыт в применении системы ограничений со всеми ее ошибками, недостатками и преувеличениями. Результаты этого опыта всякому непредубежденному должны бросаться в глаза. Если теория не признает их, то, конечно, чтобы не нарушить последовательности в системе. Если она в состоянии уже была выставить сомнительное положение

²⁹ Не было ли бы благоразумнее принудить рабовладельческие штаты издать сначала законы, по которым землевладельцы обязаны были бы уступить рабам в собственность известную часть земли в той самой местности, которую они обрабатывают, предоставить им известную степень и личной свободы, одним словом, ввести снисходительное крепостное состояние с надеждою на будущее освобождение и таким образом подготовить и воспитать негров к полной свободе? Были ли негры у рабовладельцев в Африке менее невольниками, нежели в плантациях американцев? Возможен ли бы был переход от естественной свободы к цивилизованной без того, чтобы дикий народ прошел школу строгого повиновения? Разве возможно было парламентскими актами внезапно создать из негров Вест-Индии свободных рабочих? Разве не тем же самым путем весь род человеческий приучался к труду и свободе? Англичанам, конечно, не настолько незнакома история человеческой культуры, чтобы они давно уже не разрешили для себя удовлетворительно все эти вопросы. Очевидно, то, что ими сделано уже и что делается в настоящее время относительно освобождения от рабства негров, обуславливается, как это покажем в другом месте, совершенно другими, а не филантропическими мотивами.

и уверить в нем свет, что Англия достигла богатства и могущества не благодаря своей торговой политике, а несмотря на нее, то как могла она затрудниться установить положение, которое гораздо легче выразить, а именно, что Франция без покровительства своей внутренней промышленности была несравненно богаче и цветущее, чем в настоящее время? Достаточно, чтобы проницательные практики оспорили такое положение, и оно будет принято лицами, слывшими учеными и умными, за чистую монету, и конечно, в настоящее время во Франции довольно общее ожидание благословенного времени свободы торговли с Англией. Трудно, конечно, также отрицать – и мы поговорим об этом обстоятельнее в другом месте, – чтобы большее развитие взаимных торговых сношений между обеими нациями послужило в некоторых отношениях к пользе той или другой. Со стороны, однако, Англии очевидно заметно стремление к обмену не только сырых материалов, как, например, железа, но главным образом и большого количества мануфактурных изделий всеобщего потребления на французские предметы сельского хозяйства и роскоши. Насколько французское правительство и законодательство склонно разделять эти взгляды или насколько оно их разделит, в настоящее время невозможно еще предвидеть³⁰. Но если действительно Англии дано будет удовлетворение в желаемом ею объеме, то мир бу-

³⁰ Известно, что открытые тогда переговоры между Англией и Францией о заключении торгового трактата остались без последствий. – Прим. К. В. Тр-ва.

дет иметь еще один пример за или против великого вопроса: насколько при современных мировых отношениях было бы возможно и полезно вступить в свободную конкуренцию на собственных внутренних рынках двум великим мануфактурным странам, из которых одна решительно превосходит другую относительно издержек производства и объема своего внешнего рынка для сбыта мануфактурных изделий, и к каким результатам приведет такая конкуренция? В Германии указанные вопросы только что приобрели значение практически национальных лишь вследствие таможенного союза. Если во Франции вино является для Англии лакомым куском для заключения торгового договора, то в Германии тем же является хлеб и лес. Здесь, между прочим, все только одни гипотезы, так как в настоящее время невозможно еще знать, образуются ли изобличенные во лжи тории настолько, чтобы разрешить правительству даровать на облегчение ввоза немецкого хлеба и леса концессии, которые бы превозмогли над интересами таможенного союза, ибо в Германии так далеко зашли уже в торговой политике, что нашли бы смешным, если не дерзким, предположение, что вместо платы можно удовлетвориться иллюзиями и надеждами, как будто бы это было настоящее золото и серебро. Предположим, что парламент разрешит подобные концессии, в таком случае важнейшие вопросы торговой политики немедленно должны быть отданы на суд общественного мнения. Новейший отчет д-ра Боуринга дает нам уже возмож-

ность предвкусить, какова будет тактика Англии в таком случае. Англия, конечно, не признает эти концессии эквивалентом тех преимущественных выгод, которыми она владеет на немецком мануфактурном рынке, – ни залогом того, что они воспрепятствуют Германии выучиться самой прясть бумагу для удовлетворения внутреннего потребления и выписывать необходимое для того сырье непосредственно из экваториальных стран, оплачивая его предметами своего собственного мануфактурного производства, – ни средством к уравнению все еще существующего огромного несоответствия между взаимным ввозом и вывозом обеих стран, – нет! – Англия будет смотреть на право снабжать Германию бумажной пряжей как на *jus quaesitum* (т. е. право, которым она может пользоваться) и для своих концессий потребует нового эквивалента, который выразится самое меньшее принесением в жертву немецкой бумажной и шерстяной промышленности и т. д.; эти концессии она предложит Германии как блюдо чечевицы и будет торговаться за отказ от своего старшинства. Если д-р Боуринг не обманулся насчет своего пребывания в Германии, если он – что мы сильно подозреваем – не принял вполне серьезно берлинскую любезность, то в таких странах, где создается политика немецкого торгового союза, значительно еще придерживаются пути космополитической теории, т. е. до сих пор не делают различия между вывозом мануфактурных товаров и вывозом продуктов сельского хозяйства; полагают, что служат национальным целям,

стараясь расширить последний на счет первого; до сих пор еще принцип промышленного воспитания нации не признают основным принципом таможенного союза; не задумываются принести в жертву иностранной конкуренции те отрасли промышленности, которые вследствие многолетнего покровительства развились настолько, что внутренняя конкуренция сильно уже понизила цены и тем подрезала в корне немецкий дух предприимчивости, так как каждая фабрика, погибшая вследствие понижения таможенных пошлин или правительственных распоряжений, производит впечатление повешенного трупа, который на всякое живое существо того же рода производит вдаль и вширь ужас. Мы, как можно было заметить, далеки от того, чтобы эти уверения считать вполне основательными, но то, что они были и могли быть опубликованы, не особенно хорошо, так как этим самым уже был нанесен чувствительный удар уверенности в устойчивости таможенного тарифа, а следовательно, и духу промышленной предприимчивости Германии. Указанный отчет дает возможность нам предугадать, в какой форме немецкому мануфактурному производству должен быть преподнесен смертоносный яд, хотя причина разорения и не выражается особенно ясно и тем вернее поражает самый первый источник жизни. Пошлины по весу следует лишь заменить взиманием пошлин с цены (*ad valorem*) товаров, чтобы открыть двери английской контрабандной торговле и таможенному укрывательству, и это особенно по отношению к предметам

всеобщего потребления, представляющим наименьшую специальную ценность и наибольшую общую массу – следовательно, относительно тех предметов, которые являются основой мануфактурной промышленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.